



«Смотри, сын, на эти руины!.. Ты не только мое дитя, ты частица этой земли, этих развалин. Тебя родила эта земля, эта земля тебя вскормила, поэтому знай: ты не одинок. С тобой великое прошлое и светлое будущее твоего народа».

Дженгиз Дагджи, роман «Къоркъунч йыллар»



Фото Назим ТАХТАРОВ

Эльвида, Диляра ханымиз!

Акъмесджитте Миллий аркетимизнинг иштиракчиси Диляра ханым Бариева фаний дюньяни терк этти. О, 1938 сенеси Кезлевде, Къырым тиббият институтыны битирген экимлер къорантасында догъды. Сургюнликке Озьбекистаннынъ Маргилан шеэрини тюшти. Халкъымызнынъ дигер къоранталары киби, агъыр джоукъларны башындан кечирди. Олар анасынынъ зенаатынге бола сагъ къалдылар.

Омюр аркъадашы, рахметли Энвер агъанен 1965 сенеси миллий ишлерге – Наманган шеэриндеки тешеббюсчилер группасына къошулдылар. 40 йылдан зияде, башта балалар багъчасында, сонъра мектепте тербиеджи ве оджа олып чалышты. Учъ эвлят осьтюрди, еди торуннынъ бахтли битасы эди.

2014 сенесинден сонъра башлагъан сиясий махкемелерге, дигер сафдашларынен берабер даимий суретте къатнап, такъипке, зулумгъа огърагъан, якъалангъан ватандашларымызгъа гонъюльдешлик бильдирип кельди.

Халкъымызнынъ такъдирини къайгыргъан, онынъ акъ-укъукълары тикленмеси огърунда къолундан кельгенини япмагъа тырышкъан акъикый ватанпервер, келеджегимиз парлак оладжакъына къавий умют беслеген инсан Диляра ханым Бариева вефат эткени мунасебетинен онынъ эвлятларына, шу джумледен Миллий аркетимизнинг фааль иштиракчиси, Миллий къуруммызнынъ азасы, белли джемаатчы Эскендер Бариевге терен тазие бильдиремиз, джумле якъынларына баш сагълыгъы тилеймиз.

Мерхуме Алланынъ рахметинде олсун.
Миллий къурумнынъ азалары, сафдашлары, достлары.



В Крыму фигурантам «дела Веджие Кашка» продлили арест

Киевский районный суд Симферополя в среду, 14 марта, продлил арест фигурантам «дела Веджие Кашка» на два месяца.

Об этом сообщил глава ЦИК Курултая крымскотатарского народа Заир Смедляев.

«Всем четверым продлили арест до 15 мая», — сказал он.

Напомним, в Симферополе 23 ноября 2017 года силовики задержали Кязима Аметова, Асана Чапуха, Руслана Трубача и Бекира Дегерменджи. Крымскотатарских активистов обвиняют в «вымогательстве в особо крупном размере» у гражданина Турции. Управление МВД России по Крыму возбудило уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 163 Уголовного кодекса России («Вымогательство, совершенное группой лиц»).



Крымскотатарских активистов обвиняют в «вымогательстве в особо крупном размере» у гражданина Турции. Управление МВД России по Крыму возбудило уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 163 Уголовного кодекса России («Вымогательство, совершенное группой лиц»).

Продолжается работа над проектом «крымскотатарский электронный переводчик»

Работа над созданием крымскотатарского электронного переводчика активно продвигается, но требует дополнительной помощи. За работой над проектом можно следить онлайн.

Как сообщил Avdet инициатор проекта Павел Башинский, в колонке Open — список отсканированных книг, в колонке Ready — задачи для оцифровки, в которых прикреплены ссылки на сканкопии книг, а колонки далее означают следующие этапы по оцифровке.

По словам Павла, для создания электронного переводчика необходимо накопить огромное количество синхронных переводов. Это очень сложный путь, который требует дополнительных уси-

лий. Павел призвал всех неравнодушных подключиться к работе и стать участником работы над переводчиком.

«Каждая оцифрованная страница приближает его создание на один шаг. Если есть другие идеи, как это сделать быстрее, и вы можете помочь с их реализацией — подключайтесь», — призвал он.

Желающим подключиться к работе над проектом нужно дать о себе знать в группе Qırımtatar tili в Facebook.

С помощью самодельного сканера скопировали более сотни крымскотатарских книг

Авторы проекта электронного крымскотатарского словаря создали самодельный сканер из подручных материалов, таких как водопроводные трубы, бытовые



проекторы и два стареньких фотоаппарата. Аппарат умеет сканировать книги со скоростью две страницы за три секунды. Благодаря ему отсканировано более сотни книг с синхронными переводами на крымскотатарском языке.

Об этом Avdet сообщил один из создателей сканера и автор проекта электронного крымскотатарского переводчика Павел Башинский.

По его словам, теперь отсканированные книги предстоит оцифровать, то есть перевести из фотографий в электронный текст, который будет использоваться для создания электронного переводчика.

Павел подчеркнул, что самодельный сканер обошелся авторам проекта в 10 тысяч рублей, в то время как его аналоги стоят около 10 тысяч евро.

Чийгоз рассказал в ПАСЕ о жизни крымских татар в Крыму

13 марта Ахтем Чийгоз совместно с главой постоянной делегации Верховной Рады Украины в ПАСЕ, вице-президентом ассамблеи Владимиром Арьевым, руководителем проектов Центра гражданских свобод Александрой Романцевой выступили на заседании Комитета Парламентской ассамблеи Совета Европы по вопросам соблюдения обязан-

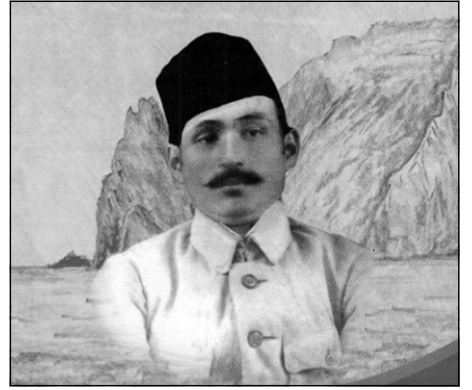
ностей и обязательств государствами-членами СЕ (Мониторинговый комитет).

В частности, Ахтем Чийгоз рассказал об арестах и судебных делах против крымских татар в Крыму.

Мониторинговый комитет единогласно решил поддержать подготовку специального доклада и резолюции по ситуации с крымскими татарами.

10 фактов из жизни и творчества Мемета Нузета

13 марта исполнилось 130 лет со дня рождения крымскотатарского писателя начала XX века Мемета Нузета. Он известен как автор лирических, сатирических и комических произведений, басен, социально-политических произведений, написанных на злобу дня, детских стихотворений. Многие из его произведений вошли в золотой фонд крымскотатарской литературы.



1. Мемет Нузет родился 13 марта 1888 года в деревне Айдар-Газы (Орлянка) Сакского района. Начальные знания получил у сельской учительницы. Затем учился в Евпаторийском медресе.

2. В 1900 году поступает в Зынджырлы медресе в Бахчисарае. Здесь будущий писатель основательно начинает изучать русский язык, знакомится с произведениями И.А. Крылова, А.С. Пушкина, И.С. Никитина. Его учителем русского языка был известный ученый-языковед Исмаил Леманов, который, оценив талант и старания ученика, стал заниматься с ним индивидуально.

3. Творчество Мемета Нузета начинается в период революции 1905 года. Поэт-сатирик в своих стихах высмеивал эксплуататорскую сущность, за что преследовался властями. В своих произведениях он реалистически отражал жизнь народа, страстно критиковал вредные религиозные обычаи.

4. Первые стихотворения Мемета Нузета публикуются в 1912 г. в газете «Терджиман».

5. В 1909 году молодой поэт Мемет Нузет, находящийся под полицейским надзором, был арестован за эпиграмму на царских чиновников.

6. Сатирическая повесть «Селим сохта» («Учащийся Селим»), где мастерски отображены трагикомические случаи из жизни обитателей медресе, а также последствия поражения России в русско-японской войне 1905 года, и рассказ «Бахытсыз кьоранта» («Несчастливая семья») Мемета Нузета стали первыми произведениями критического реализма в крымскотатарской литературе.

7. В конце 1920 г. работал учителем в д. Байдар под Ак-Яром (Севастополем).

8. В крымскотатарской литературе широко известны сатирические и юмористические стихи поэта: «Ногъайнынъ адагы» («Обет ногайца»), «Тюркоули намаз» («Молитва с песней»), «Узункюлак азизи» («Длинноухий святой»).

9. В советские годы поэт активно выступает в периодической печати со стихами на актуальные темы, с политико-агитационными произведениями, пропагандирующими новую жизнь, утверждающими социалистическую мораль. «Койлюлерге!» («Крестьянам!»), «Берекет зевкы» («Радость урожая»), «Кюмизнинъ кызылары» («Девушки нашего села»), «Къадынлар» («Женщины»), «Секиз март» («Восьмое марта»), «Къызыл Орду» («Красная Армия»), «Захмет артели» («Артель труда») — эти и многие другие стихи, а также поэма «Фериде апте» («Тетя Фериде»), где главная героиня — активная участница строительства новой жизни в деревне, являются яркими публицистическими произведениями, сыгравшими важную роль в общественной жизни крымских татар.

10. Часть творческого наследия поэта была безвозвратно утеряна 18 мая 1944 года — в день депортации, которой подверглись его жена и 11-летняя дочь. Сам поэт скоропостижно скончался еще в мае 1934 г. в больнице деревни Коккозь Бахчисарайского района.

В Киеве прошла встреча крымскотатарских активистов с иностранными послами

В Киеве 13 марта состоялась традиционная ежегодная встреча «От стратегической выдержки к стратегическому видению» представителей крымскотатарского народа и послов иностранных государств.

На встрече обсуждались вопросы, связанные со статусом Крыма, изменениями и дополнениями в Конституцию Украины, которые могли бы обеспечить права крымскотатарского народа, сообщается на странице Уполномоченного Президента Украины по делам крымскотатарского народа в Facebook.

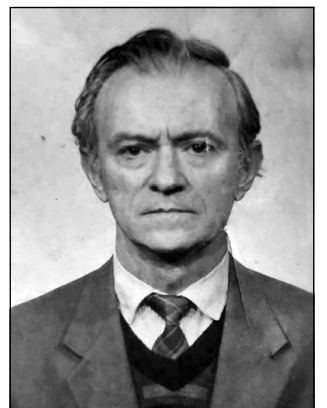
В Симферополе скончался видный ученый Ленур Арифов

11 марта в Акмесджите после тяжелой болезни скончался видный крымский ученый, доктор физико-математических наук, профессор, общественно-политический деятель Ленур Арифов.

Ленур Арифов родился в Ялте 10 декабря 1938 года. В шестилетнем возрасте вместе с семьей был депортирован в Самарканд, где окончил школу, был выпускником физического факультета Самаркандского государственного университета и после поступил в аспирантуру Института ядерной физики Академии наук Узбекистана в Ташкенте. Ленур Арифов является автором около 100 научных публикаций. В 1992-м он вместе с семьей вернулся в Крым. Ленур Арифов преподавал на кафедре теоретической физики физического факультета КФУ имени В.И. Вернадского в Акмесджите.

В 1990-е годы Ленур-бей избирался делегатом Курултая крымскотатарского народа и депутатом Верховного Совета Крыма. Затем некоторое время работал заместителем председателя крымского правительства. В последние годы Ленур Арифов полностью посвятил себя научной и преподавательской работе.

Редакция газеты Avdet приносит соболезнования родным и близким Ленура Арифова. Аллах рахмет эйлесин!



Изгнание из Рая

(документально-художественный роман)

Памяти братьев Мусы и Османа Мамутовых

[Тимур ПУЛАТ]

Продолжение, начало в №2-3, 5

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После тревожной ночи, проснувшись, Адам инстинктивно потянулся к настенному календарю. В тусклом свете окна на черном фоне высветилась строка с датой: 18 мая 1992 года, понедельник.

Чтобы не будить сладко посапывающую Эмму, вышел на кухню, сорвав лист календаря. На листе на фоне краснощекой колхозницы сидевшей за комбайном – медвежонок и надпись: "В этот день двадцать лет назад киностудия "Союзмультфильм" выпустила занимательную историю Винни-Пуха..." Вспомнив скакавшего по экрану телевизора медвежонок, невольно улыбнулся, отчего напряжение, оставшееся от поверхностного сна, смягчилось. Подумал: «Появится ли еще при моей жизни и жизни моих сыновей

надпись на календарях: "В этот день, сорок восемь лет назад, в 1944 году крымские татары по огульному обвинению были насильственно изгнаны со своей родины – Крыма..."

И все же Адам не мог до конца осмыслить: что творится в его душе накануне этого дня и в сам день 18 мая каждый год. Тревожное состояние всякий раз выводит из равновесия, вторгается в память смутными картинками, предвещает бессонницу и мучительную ночь...

Из планшета, висевшего над кухонным столом, Адам вынул те две фотографии, которые при каждом удобном случае показывал возвратившимся из ссылки, подчеркивая имена женщины и мужчины в воинском звании как заклинание. В который раз, всматриваясь в их лица на фото, покрытых от времени желтым налетом, и пытаясь разобраться с вспыхивающей в душе болью, стал с годами осознавать: шок, испытанный им в тот день на заре 18 мая в семилетнем возрасте, навсегда стал частью его памяти и сознания, теперь уже до конца жизни...

Единственное, что облегчало тяжесть сегодняшнего дня, то, что 18 мая, понедельник, совпал с отгулом и лейтенант был свободен от лицезрения сотрудников, выслушивающих нудные наставления Воеводкина на планерке, его похвалы о том, как "показали кузькину мать" татарам в Красном Раю, сравнивая их "осиные гнезда" с землей, и строгое напоминание об оборотне в погонах, затесавшемся в ряды алуштинской милиции, которого и по сей день не смогли выявить и разоблачить...

Зная о том, что в Красном Раю, как во всех полянах протеста в Крыму, возвращенцы будут вспоминать этот день 18 мая молитвами о похороненных на чужбине родных, близких, друзьях, Адам выехал на Лермонтовскую улицу. Вспомнил: у гостиницы "Таврида", с боку здания, притулился ларек. Всякий раз, направляясь к Красному Раю, Военный путал следы, дабы какая-нибудь продавщица не взболтнула ненароком о том, что лейтенант набивает хлебом полную люльку мотоцикла под завязку.

В этом ларьке Адам был впервые, и пока продавщица складывала буханки ржаного в люльку, у обочины дороги, проехав немного вперед, затормозила машина с тонированными стеклами.

Первое, что мелькнуло тревожно: "Слежка...". Хотя сразу же Военный попытался успокоить себя, относя свою мнительность к следствию бессонной ночи перед наступлением сакрального дня – 18 мая...

Впрочем, откуда было ему знать, что хозяйка хлебного у пансионата "Каскад" Настя Веснушчатая с чисто женской болтливостью, строя глазки сержанту Малеванному, закоренелому холостяку, выдала тайну Адама Военного.

– Михаил Савич, боитесь похудеть? Каждый раз просите половину батона... А ваш лейтенант Адам Арсеньевич Военный давеча загрузил по самый верх люльку мотоцикла... Спрашиваю: Адам Арсеньевич, это куда столько хлеба – свадьба чи нет?



– И что? – Малеванный настороженно поднял рыжие брови и подался телом к прилавку.

– Соседа наградили медалью, – отвечает. – Всю улицу приглашает на угощение...

Разволновавшись, Малеванный произвольно произнес:

– Настенька, не половину, а целый батон! – И, расплатившись, устремился назад, в отделение милиции, откуда полчаса назад ушел, отрапортовав после дежурства. Возвратившись, получил строгое задание от Воеводкина: пройтись по всем домам улицы Чатырдагской, где проживал Адам, и выяснить, был ли кто из соседей награжден, устроив гулянку...

Адам же тем временем проехал по набережной и свернул к Даче Стахеева, а оттуда по Кипарисовой, ведущей к лесополосе, примыкающей, к Красному Раю. Еще издали заметил оживление у блок-постов, тянувшихся один за другим вдоль поляны протеста. Развернув мотоцикл, решил проехать к Красному Раю через узкую просеку.

Двое постовых, притаившихся за деревьями, неожиданно преградили дорогу, размахивая жезлами. Упершись телом о руль мотоцикла, почти в один голос закричали:

– Проезд дальше запрещен! Карантин! Ваши документы... – с такими напряженными лицами, будто догадывались, кого остановили.

В первую минуту Адам Военный даже не испытал досады и тем более испуга, ведь в самом начале пути сюда догадывался, что за ним следят. Пока задержавшие внимательно изучали его документы, передавая милицейское удостоверение друг другу, Адам вдруг почувствовал облегчение, ибо с тех пор, как подружился с краснорайцами, его тяготила двойная жизнь. На службе его корбило и нередко возмущало враждебное отношение к возвращенцам, оскорбительное высказывание в адрес "татарвы", "разбойничьего отребья", предателях, прислуживающих немцам – все, что он слышал, начиная с семилетнего возраста, за год до завершения войны – и далее – в школе, на службе, и всюду на улицах, рынках, в автобусах, на собраниях, будто враждебностью был насыщен сам воздух, которым люди дышали вместе с бактериями массового психоза, называемого крымтатарфобией.. В какое-то время психоз этот, казалось, ослабел, когда из Крыма были выдворены последние коренные его жители, выловленные в горах и степях, в скалистых остро-

ким тоном изрек Малеванный, выплескивая всю злобу и обиду на получившего, как он считал, незаслуженно повышение в звании...

Пока грубо сдергивали с головы шлем, Адам подумал о своих стариках и жене Эмме: с ними он также вел двойную игру, объясняя свои ночные поездки в Красный Рай служебным заданием...

Приказной тон сержанта Малеванного патрульным:

– Уведите к машине! – отвлек Адама от тревожных мыслей о родных. – А ваши подопечные на поляне, Адам Арсеньевич, пусть поголодают, полезно для здоровья, – продолжал подтрунивать над ним теперь уже бывший подчиненный, всегда лебезивший перед лейтенантом. – Давеча народные мстители-дружинники показали им кузькину мать, – повторил Малеванный любимое изречение полковника Воеводкина.

Хотя Военный знал в мелочах о погроме в Красном Раю, невольно напрягся и, подталкиваемый сзади к машине, смотрел, проведя цепким взглядом по знакомому пейзажу: местами мазанки остались целы, палатки вновь натянуты, а вокруг порушенных стен двигались краснорайцы, расчищая завалы... Последнее, что запечатлел его взгляд:

площадка спортивного поля с натянутыми на столбах сетками для игр, возведением которого давно бредил майор Леммар Арбатлы, работавший военруком и физруком в одном лице в бухарской школе...

Если бы Адам Военный на полчаса раньше подъехал к месту, где на него была устроена засада, наверняка не разминул бы с похоронной процессией, вышедшей из Красного Рая: да и краснорайцы, несшие на погребальных носилках маленький гроб, через каждые четыре-пять шагов, передавая их по ритуалу похорон друг другу, могли бы видеть, как Военному, которого и по сей день меж собой называли Идьлек Мада, скрутили руки за спину и спешно повели полусогнутого к милицейской машине.

Малеванный, сидевший здесь в засаде с утра, поначалу растерялся, видя, как похоронная процессия вышла за пределы Красного Рая, двигаясь к лесу.

Впрочем, растерянность сержанта длилась недолго. Шагнувшие за границу санитарного кордона краснорайцы как обычно были в глазах Малеванного преступниками, захватившими поляну. Проживавших без разрешения в Крыму их можно запросто арестовать и затолкать, как и их осведомителя Адама Военного, в милицейский автозак. Посему его голос в мегафон прозвучал зычно и грубо:

– Стоять на месте! Проверка документов!

Лихой житель Тамбова, из семьи старообрядцев, семь лет назад перебравшийся в Крым, впервые в жизни сталкивался лоб в лоб с мусульманской похоронной процессией, желая встать на пути ее безостановочного хода. Но никто не сдержал шаг – шариат требует как можно быстрее донести гроб к месту погребения до наступления сумерек.

Лишь шедший впереди усопшего Нурфет, погруженный в свои мысли, поднял воспаленные от бессонной ночи глаза и, глянув на сержанта, в отчаянном гневе, с таким хрустом сжал кулаки, что шагающему рядом Осману Мамуту показалось, что он бросится на Малеванного. Дабы не вышел скандал,

вках, в море – все до единого...

Вспышки психоза, затаенного глубоко в сознании, вновь проявились, когда в Крым стали на свой страх и риск возвращаться такие смельчаки, как Муса Мамут, ставший легендой, Куку Партизан, гвардии майор, герой войны Леммар Арбатлы... И теперь, когда крымцы массово возвращались на родину, эпидемия вспыхнула с новой силой, чему добавляли свою "антитатарскую" лепту газеты, радио, телевидение...

Слух Адама обострился, когда задержавший по слогам прочитал с язвительными нотами в голосе:

– Адам Арсеньевич Военный... лейтенант, алуштинское управление... – и повернулся, услышав шаги из-за дерева.

Сolidно покашливая, к Адаму, неподвижно сидевшему на мотоцикле, приблизился Малеванный и, не глянув на лейтенанта, откинул брезент люльки и, наклонившись, вдохнул запах хлеба:

– Еще тепленький, только что из магазина... Ха-ха! Вот кто, оказывается, оборотень в погонах – один из лучших наших сотрудников, почетные грамоты и прочее... Снимите пилотские очки, чтобы убедиться: того ли Военного мы схватили с поличным? – издевательс-

крепко взял Нурфета за плечо с желанием успокоить.

— Приказываю стоять! — хрипло повторил Малеванный. — За неподчинение...

Несущие над головами носилки, чуть сбавили шаг, ступая на валуны и камни на тропе. Даже после второго предупреждения, процессия не пожелала нарушать ритуал дженазы¹. Осман Мамут перед выходом на всякий случай высказал собравшимся веление Пророка (мир ему и благословение Аллаха!) о правилах ритуального шага к кладбищу².

Малеванный решил высказать последний, как ему казалось, убийный аргумент:

— Не подчинитесь приказу... — делаем предупредительный выстрел! А после...

Угроза его была перекрыта возгласом Якькута Мираба³, отвечающего за привоз воды в Красный Рай в паре с Энвером Пастабашем:

— Варвары! Вы убили невинного ребенка!

Отчаянный крик слегка остудил сержанта, слышавшего рапорт сослуживцев на планерке: во время нападения на поляну двенадцать взрослых краснорайцев и ребенок, нареченный Ильясом, были покалечены, отравлены ядовитым дымом... Врачи больницы так и не сумели спасти новорожденного, а всю вину переложили на его мать Румейсу. Якобы вместо того, чтобы родить в идеально чистой палате алуштинского роддома, татарка, привыкшая пользоваться услугами знахарей и колдунов, позволила принять новорожденного неграмотной бабке-повитухе в грязной, кишасей бактериями палатке. Отговорка эта осталась на устах врачей даже после того, как неугомонный адвокат Дагджи пригрозил судить погромщиков.

Малеванный, приметив в толпе Куку Партизана, поднявшего над головой похоронные носилки, нервно пожав плечами, отвернулся. А стоящий с ним рядом постовой Безенчук предположил:

— Черте-что могут нести татары, замаскировав под гроб — контрабандные сигареты или взрывчатку...

— Разберутся на месте, — начальственным тоном откликнулся Малеванный. — Побрели в ближнее село Кутузовку⁴, на кладбище. Там наши их встретят — ха-ха! — с похоронной музыкой... — И, приказав усилить посты, прихрамывая, направился к милицмейской машине, не преминув поинтересоваться тем, что его больше всего интересовало в данный час: доставили ли оборотня в погонах — Адама Военного на допрос к полковнику Воеводкину...

— Все, как по маслу, — откликнулся шагающий следом Безенчук. — Поместили в обезьянник⁵...

Удовлетворенный ответом Малеванный хотел было поразмыслить вслух о награде за поимку предателя, прикинуть, что больше согреет его душу — и повышение в звании младшего лейтенанта или медаль, но так не решился высказаться, соблюдая служебную субординацию.

Маленького краснорайца, мученика Ильяса, решили поначалу предать земле на окраине поляны протеста как вечный укор карателям, ведь на месте, где до погрома рядами выстроились улицы и переулочки, пусть из временок и мазанок, с номерами жилья, с названиями сел и городов, откуда родом поднявшие их непосильным трудом, с общественной столовой, модельным домом, медпунктом и биб-

лиотекой, со всеми другими атрибутами обжитой поляны, должно быть и мусульманское кладбище, коль скоро все собралось здесь жить и умереть, поклявшись: "Родина или смерть"...

Куку Партизан, еще будучи под стражей, узнал о погроме, а освободившись, хозяйским взглядом оценил хаос разрушения. Но сильнее всего был опечален гибелью младенца Ильяса, которого называл первым гражданином Красного Рая, предвестником возрождения жизни возвращенцев на родине. Высказался на сей счет странно и многословно, будто за дни, проведенные в заключении, истосковался по слушателям:

— Вы видите: всюду нам, возвращенцам, навязывают борьбу, войну гражданскую с теми, кто вселился в наши дома, сколачивая из жителей так называемые

зунг самых первых лет возвращения: "Родина или смерть" на "Родина и жизнь, и смерть в Крыму"... Мы должны не замыкаться в своих полянах, а оставлять свои горячие следы всюду — на площадях городов, на сельских улицах, на берегу моря, на скалах, в наших мечетях, на героических тропах наших предков, как тамга, как вечный знак нашего присутствия на родине... Посему я советую предать земле нашего шахида-мученика Ильяса, с соблюдением всех наших обрядов поминания на старинном кладбище предков — в селе Шума, дабы его могила не была осквернена новым набегом карателей на Красный Рай, а стала местом поклонения всех, кто будет проезжать мимо этого села...

После недолгого молчания Осман Мамут подал голос, как старший по возрасту:



народные дружины. Но мы не поддаемся на их провокации... Принимаем все мирно, терпеливо, и лишь обороняемся каждый раз, защищая наших детей, стариков. И так с самых первых полян протеста в Белогорске или Зуе четыре-пять лет назад, когда на наши головы начали сыпаться удары дубинок, когда травили газом, морили голодом, жаждой, утюжили наши временные жилища милицмейскими сапогами, гусеницами тракторов, Арестовывали по надуманным предложениям. Навязанное нам противостояние, боюсь, будет еще длиться не год и не два... Хотя в самых мрачных предположениях тех из нас, кто вышел на дальнюю дорогу, не было и мысли, что наше возвращение будет столь же трагично, как наше изгнание из Крыма... И теперь, несмотря ни на что, в нас вернулось чувство хозяина на родной земле. Мы должны переосмыслить наш кровный ло-

— Мудрое решение... Ведь Всевышний сказал... "и вершат свои дела, обращаясь за советом друг к другу"⁶... моя молитва будет по убиенному младенцу и по всем нашим предкам, покоившимся в Шуме. Амин!

— Решено! — живо откликнулся Куку Партизан. — В Шуму нас поведет, изгнанный из села Якькуб Мираб. Он на нюх знает место разрушенного мусульманского кладбища...

Когда пронесли носилки с гробом мимо полуразрушенных мазанок и палаток, было слышно, как заголосили женщины. И голос поварахи Шефики: "Плачь, плачь, Румейса-апте, тебе, милая, будет легче". Осман Мамут придержал шаг и, просунув голову внутрь палатки, скороговоркой вымолвил:

— Ханум, дочь моя, бойся Аллаха и терпи... Ведь сказал пророк: "Покойный подвергается мучению, если близ-

кие его громко причитают, бьют себя ладонями по щекам, разрывают на себе одежду..." Ты ведь не желаешь своему сыночку азаби кабр⁷... — и быстро зашагал, догоняя процессию, ступившую на лесную тропинку.

Послевоенные переселенцы, те, кто хозяйничал в пятисотлетнем крымтатарском селении Шума, как и обещал Малеванный, встретили поднимающуюся по тропинке вверх процессию "похоронной музыкой", в которой преобладали кричащие аккорды:

— Татаро-монголы! Орда идет! — сопровождавшиеся щелканьем затворов ружей, лаем цепных псов, звоном колокола каланчи, извещающей о пожаре или ином бедствии для селян...

У дороги, разделяющий село не только на две половинки, но и на два уровня — Верхнюю и Нижнюю Шуму, постовой, на ходу влезая в мундир, выбежал из обитого фанерой домика и спешно опустил заградительный шлагбаум. Услышав скрип шлагбаума из невзрачного домика, справа вышел полусонного вида, крепкого телосложения человек, как принято о таких говорят "свирепого мужицкого вида", и, раздвинув ноги в сапогах шире плеч, стал на пути похоронной процессии. Пока подозрительно поглядывал то на носилки с гробом, то на лица тех, кто держал оглобли носилок на плечах, к шлагбауму, запыхавшись, подбежали двое селян — рыжий с мотыгой и другой в соломенной шляпе, держа овчарку на цепи. С десятком мальчишек-хлопцов устроились поодаль на пригорке, с интересом наблюдая, чем же закончится противостояние отцов и дедов с "татаро-монгольской ордой"...

— Перед вами староста Кутузовки — Петр Петрович Бузина, — хрипло представился свирепый мужик. — С кем имею честь и по какому такому делу? — Для убедительности своих слов староста подкручивал то кончик левого, то правого казацкого уса.

Ожидавшие всего, что угодно, но не такого оборота дела, краснорайцы молчали, держа носилки над головами. Видя их замешательство, Бузина приказал постовому:

— Семеныч, проверь-ка, что у татар припрятано в ящичке...

Нурфет, побарговев от возмущения, шагнул было к старосте, но Куку Партизан схватил его за руку, непроизвольно выразившись в адрес Бузины, образно:

— Шашкьан папий⁸...

Староста, насторожившись, нахмурился:

— Давно не слышали бельмес-кельмес... Прошу выражаться по-хохляцки или по-москальски, иначе не договоримся...

Пока Семеныч нехотя приближался к носилкам, Осман Мамут с тревогой глянул на небо: солнце опускалось к линии заката, после чего по ритуалу нельзя предавать земле усопшего.

Семеныч боязливо снял саван с лица младенца и протяжн, будто не веря глазам, молвил:

— Усопший малец, Петр Петрович... Ей богу. — И небрежно перекрестился...

Носилки снова подняли на плечи в ожидании развязки. Куку для солидности поправил на голове остроугольную тюбетейку, которую привык носить в Узбекистане, выступил вперед:

— Петр Петрович, вижу, вы человек смекалистый, — в своей обычной дипломатической манере, начал было он. — Отец усопшего семи дней от роду младенца родом отсюда, из Кутузовки-Шума... И все его родичи, сосланные в сорок четвертом в Узбекистан...

– Нет, и не проси! – замахал руками под гул собравшихся селян с вилами и лопатами. – Не разрешу на здешнем погосте... Даже если вы одарите меня бочонком вина “Черный доктор” или медом из горной пасеки – ха-ха! – смягчил он отказ полушутливой фразой. – Вы – татарва – народец с хитрецей. Сначала в Кутузовке похороните младенца... Затем каждый день сюда повадятся родственнички, якобы поминать его – знакомые на сорокодневку, уйма знакомых, тысяча... А затем тихой сапой, правдами и неправдами обустроить, требовать потесниться наших селян, в домах, мол, у вас купчая, документ на усадьбу с прилегающим садом, виноградниками и коровниками... И бучи не оберешься. Наши казаки на сходе отказались жить рядом с татарами не только на одной улице, но и в одном селе. У вас, братец, – ткнул он Куку пальцем в грудь – нрав беспокойный, башибузукский, и языка вашего мы не бельмес. – Староста неожиданно поднял голову к небу: – Слышишь – у-у-у... Возвращается звук по-русски или по-хохлацки, а вашего татарского нет, вымер... Казачье наше любит жить в хуторе со своим укладом, языком, песнями и плясками... А тут ваш поп – муэдзин с колокольни пять раз на день, О, Аллах-Маллах... Согласись, мало приятного.

Куку Партизан снял тюбетейку и помахал возле лица – уставший, почувствовал жар. И стал говорить торопливо, заметив беспокойство Османа Мамута и всех стоящих в нетерпении, переминаясь с ноги на ногу.

– Припомните, Петр Петрович, был ли здесь у вас, или где-то еще в селах хотя бы один случай, чтобы возвращенцы скандалили, требовали вернуть у нынешних хозяев их прежний дом, усадьбу, сад? Не было... хотя газеты полны небылиц против нас... С первых дней возвращения мы, крымские, установили: не требовать ни свое жилье, ничего из имущества. Мы, возвращенцы, не желаем в Крыму вражды между пришлыми и нашими, хотя власти через свои газеты говорят о нас такое, что в здравом уме не помещается... Посмотрите, – сделал Куку жест в сторону стоящей колонны. – Здесь семь или восемь бывших шумовцев, изгнанных из села... Шевкет Сидеман, выходи, покажись... Джемиль Тантана, Эсфер Джихандат, вперед... Леммар Арбатлы, воевавший, дошедший до Праги, гвардии майор... – Все, кого называл Куку, отвечали сдержанно кивком головы. – Взгляните каждому в лицо. Кто из них, скажите, приезжал в Кутузовку-Шуму, со скандалом, угрозами, требовал освободить ему и его семье родовое гнездо?

Старосте, живущем давно бобылем и лишь частенько разговаривающем в обнимку с бутылкой горячительного, хотелось хоть с кем-то поспорить:

– Ты все Шума, шумовцы... Ваши предки, что, такие шумливые были? Зато мы – кутузовцы – суворовцы... вон сколько набежало мужиков! Если бы не мое мирное слово, побили бы вас крепко за вторжение на чужую территорию. Спускайтесь в нижнюю часть Кутузовки, там отыщите свое магометанское кладбище, если, конечно, его не засеяли кукурузой... Уловив в который раз нетерпеливый взгляд Османа Мамута, Куку Партизан досадливо махнул рукой:

– Вижу, не договоримся... Хорошо, отыщем свое кладбище...

Бузина поморщился, вытянув толстые почерневшие губы:

– Да, да, ступайте, а за шлагбаум ни

ногой! Вы все из зоны карантина – можете заразу к нам занести – малярию или холеру, одним словом, смертельный мор на моих селян... – И вдруг хохотнул: – Вообще-то, на наших здешних пьяных да лодырей мор послать... было бы божьей благодатью...

Кучерявый Асан, по прозвищу Солакбай⁹, местный, шумовец, изгнанный из села восьмилетним, еще по дороге наверх, неся на плече носилки, напряженно вспоминал: в какой стороне от дороги кладбище, где покоятся его дед – Кямран-бей рядом с бабушкой – Сафикой... И на всем протяжении пути, вскидывая левую руку вперед, водил из стороны в сторону указательным пальцем и, надеясь, что память руки, которой засыпал их могилы землей, направит процессию к кладбищу. И так интуиция вела Левшу в ту часть села, прижатую к холму. И память не обманула: открылось ровное поле у прилеска.

Шумовцы, помнившие, каким было их село до изгнания, переключаясь на плечи друг друга, шепотом переговаривались, вспоминая былую роскошь села. Джемиль Тантана почему-то припомнил четыре водяных мельницы, стоявшие у холма в ряд, денно и ночью поившие виноградники и табачные поля, сейчас будто провалившиеся сквозь землю... Майор Арбатлы, всматривался, не находя знакомый силуэт школьного здания, где преподавал спортивные игры...

– Смотрите-ка, – подал негромкий голос тот, кого Куку Партизан, представляя старосте, назвал Шевкетом Сидеманом: – Год назад, когда я напрямик из Коканда приехал сюда, вместо дома, откуда нас изгнали, был захлапленный пустырь... А сейчас, как грибы после дождя, выросли коттеджи, с виду чиновничьи, с заборами в пять метров высотой и дачи для прокуроров и военных – так мне шепнули знающие люди... Для них в Крыму полно земли, а когда речь заходит о возвращенцах, оговорка одна: все забито, нет ни клочка свободной земли... Вот, так-то!

Осман Мамут, недовольный, перебил его:

– Не тратьте время на ненужные разговоры... Неся покойника, думают о бренности и быстротечности этого мира, где каждый шаг может умножать грехи, если не думать об этом...

Все разом умолкли, понимая, что сама процедура, которой руководил старец Осман, настраивала его на мистический лад.

На краю поросшей редкими кустами кара сельби¹⁰ поляны остановились, чтобы перевести дух. О том, что в этой местности, где сейчас бродят коровы, пощипывая траву, еще не так давно располагалось кладбище, напоминали треснутые могильные плиты, наполовину ушедшие в землю.

Осман Мамут с трудом опустился на колени, вытер рукавом халата полустертую надпись на плите, читая нараспев, чтобы слышали все коленапреклоненные спутники:

– Аллахумма, джалыху ля-на фаратан, ва саяфан ва аджран... – и почти без паузы перевел тем, кто не владел арабским: – О, Аллах, сделай так, чтобы он опередил в раю своих родителей и стал нашим предшественником и наградой для нас... – и добавил безо всякого сомнения: – Судя по надписи на могиле, в этом месте также похоронен не достигший совершеннолетия... – И строго повелел помощникам: – Копайте могилу Ильясу рядом... поторопитесь, – добавил, показывая пальцем на крова-

во-красный горизонт над селом.

В ход пошли сразу четыре лопаты, которые буквально вгрызались в каменную почву. Те же, кто не был занят обустройством могилы, в задумчивости бродили рядом, осматривая сравниваясь с землей холмики с поваленными надгробьями, в надежде обнаружить захоронения предков.

Асад Солакбай, так надеявшийся, что и в этом память его руки не подведет, опустил на полусогнутые колени, и так сидел в задумчивости, покачивая головой. Посиневшими губами шептал слова раскаяния, не обнаружив семейный склеп, ведь переваливший за шестой десяток, с множеством хворей, боялся, что навсегда останется на чужбине, найдя последнее место успокоения где-нибудь на кладбище в Катта-Кургане...

Очнувшись от горестных размышлений, Асад поспешил к своим, когда гробик, передавая из рук в руки друг другу, поднесли Нурфету, стоящему по колено в свежeverытой земле. Нурфет дрожавшими руками с трудом уложил гробик в нишу. Постоял с опущенной головой, пока Осман Мамут произносил слова джаназы. Кто-то протянул ему руку, и Нурфет поднялся из ямы и, взяв в пригоршню землю, первым обозначил холмик могилы.

Его примеру последовали и другие краснорайцы, пока Осман Мамут продолжал читать зауспокойную молитву, произносимую за усопшего младенца:

– Аллахумма, аыз-ку мин азабиль кабри! – следом, повторяя для несведущих в арабском: – О, Аллах, защити его от мучений могилы... Алла-хумма-джаль-ху ля-на фаратан... – О, Аллах, сделай так, чтобы он опередил в раю своих родителей...

А когда краснорайцы постояли, молча бросая последние взгляды перед возвращением на свежий холмик, и выстроились в ряд, чтобы подняться наверх по узкой тропинке, Осман шагнул к Нурфету и, прижав его холодную ладонь двумя руками, произнес:

– Азама-Длаху аджра-кя, ва ахсана аза-кя ва гафара ли майити-кя! Да даст тебе Аллах еще большую награду и да пошлет тебе утешение за твоё терпение и да простит того, кто у тебя умер... Амин...

Произнеся в один голос “Амин!”, краснорайцы в молчании возвращались туда, где опущенный у милицейского поста шлагбаум, разделял верхнюю и нижнюю части села. И, видимо, услышав поскрипывание гальки и камней под ногами возвращающихся с кладбища, староста Бузина вновь появился возле постового. Но, кроме Куку Партизана, никто не обратил на это внимание, поглощенные мрачными мыслями от вида порушенного местными вандалами и беспощадным временем родового кладбища...

– Возвращайтесь лесом поодиночке, – велел своим Куку Партизан, – дабы избежали они встречи с сержантом Малеванным... – хотел было еще что-то добавить к сказанному, как староста окликнул его:

– Постой-ка, приятель... Так ты действительно партизанил?! У кого в отряде? – Видимо, не наговорившись во время своего первого появления перед краснорайцами с носилками, Бузина решил выразить недосказанное.

Но Куку, не любящий праздное любопытство посторонних на эту тему, ответил не сразу. Придержав шаг, вынул из кармана брюк часы на цепочке, сверкнувшие циферблатом: время перевалило за семь вечера.

– Партизанил... А что? – откликнулся сдержанно, видя, что свирепость на лице старосты, сменилось любопытством.

– У кого в отряде?

– Абдуллы Дагджи... “Дяди Володи” – слышали?

– О! – только и воскликнул Бузина. – Как не слышать – слышал... – и крикнул постовому: – Семеныч, пропусти-ка мужичка! – И слегка дотронулся до плеча краснорайца, – Заходи-ка ко мне в контору... Успеешь затемно вернуться к своим...

Куку Партизан, ступая за старостой в низенький, давно не видевший краски и поселки домик, услышал:

– А я партизанил с полковником Лобовым¹¹, радистом при штабе... Наверное, уловил, что я немного туговат на ухо от дрынчания азбуки Морзе... – Широко жестом смахнул со стола пыль, пододвинул к гостю табуретку и сел напротив. Долго и изучающе смотрел на приглашенного серыми, чуть подслеповатыми глазами, не зная, верить ли в его партизанское прошлое, и неожиданно хохотнул: – Надо бы мне по такому случаю принять на грудь стакан – кивнул в сторону шкафа с перекошенными дверцами. – Во-первых, за партизан, во-вторых, чтобы от тебя, карантинного, никакая зараза ко мне не сдулась... Ха! Ха!, – и вдруг продекламировал стих Лермонтова, искажая строки: – Да, было время, было время, не то, что нынешнее племя... – И, сделавшись серьезным, поинтересовался:

– А малец-то от чего..?

От неожиданного вопроса Куку так напрягся, что табуретка под ним скрипнула.

– То ли газа надышался, то ли наглотался дыма во время недавнего погрома нашей поляны, – Куку поднял на хозяина отяжелевший взгляд, отчего тот неприятно съехался: – Меня самого в тот день не было в Красном Раю... Рассказывают наши: дружинники из вашего села утужили времянки по всей поляне на тракторах, а милиция им помогала... – С каждым словом Куку говорил все напористей: – И я вам отвечу, Петр Петрович, словами поэта: “Вот времена! Вот нравы!” Получается, что в наши дни партизана на партизана, сидевших в одном окопе, натравливают друг на друга?

Бузина опустил голову, нервно постукивая пальцами по столу.

– Я человек служилый... Приказали: посадить на трактора селян... А дальше, что там было... – молвил он и неожиданно перевел разговор на другое: – А ты знаешь, что было раньше на месте Красного Рая? Усадьба богатея Шишмана, окруженная садом, без конца и края. Место так называли “Шишмановы сажки”. – Он двинул ящик стола: – Постой-ка, у меня где-то завалился декрет Ленина... нет, вру, не самого Ильича, а его местных приспешников-большевиков. Смысл декрета: отобрать помещичье угодье Шишмана вместе с усадьбой в пользу безземельного крестьянства. А после организовались в совхоз вместе с поляной, где вы хулиганите. А кто-то из приспешников, кому понравилась ваша поляна, переименовал ее в Красный Рай, как мечту о несбыточном... Такое, видно, место, где мечты разбиваются в пух и прах... Так что и твоим людям пусть не мечтают там новую жизнь начать...

Чтобы поддержать разговор, Куку промолвил:

– Так мы и есть сейчас краснорайцы – безземельные крестьяне... – и добавил в полушутку: – Так что с вашей стороны не по-ленински получается...

Бузина погрозила в сторону собеседника пальцем:

— Понимаю, к чему ты клонишь, хитрец... Все-таки я приму на грудь, — встал староста из-за стола, поразмыслил и снова сел: — Нет, не по годам горячительное... Так вот, что я тебе скажу, дружище-партизан... Нам еще в прошлом году, до того как вы там засели, предписали из Алушты разбить на поляне Красного Рая то ли ореховую, то ли персиковую рощу, что земля примет... Это, понимаешь, личное пожелание нынешнего головы Крыма Николая Васильевича Багрова. — Показал он пальцем вверх. — Посадим, примутся саженцы, расцветут... У меня озорная мыслишка: собраться всем сельским сходом и назвать это место "Багровыми садками". Учужал? Хотели этой весной, но вас не успели власти оттуда отгнать, упустили время посадки, теперь осенью. Придется вам, безземельным крестьянам, перебраться на другую поляну и митинговать... Понимаю твое огорчение... Но чем я могу еще порадовать безземельного партизана?

Неожиданно в открытое окно ворвался ветер, пошелестел и пробежал по плакатам, приклеенным на стене, чтобы прикрыть трещины. Среди плакатов сплошь на сельскую тематику, призывающих сеять, пахать, убирать урожай ударно, Куку заметил глянцевою фото Сталина в самодельной рамке.

Бузина уловив его взгляд, спросил:

— Ты что волком смотришь на батю?

Куку пожал плечами и, не проронив ни слова, отвернулся.

Староста, сжав кулаки на столе, постучал ими по дереву:

— По правде говоря, ты и все твои татары должны бате каждый божий день аллилуйю¹² петь за то, что он спас вас от истребления поголовного.

Куку догадавшись, к чему клонит собеседник, снова вынул карманные часы и повертел цепочкой.

— Ведь это факт, — продолжал упрямым тоном Бузина. — Представь: возвращаются наши солдаты с фронта после войны и узнают всю правду: как татары по наущению немцев селами вырезали славян и особенно буйствовали, когда наши вошли в Крым, а ваши с немцами отступали — все вырезали под гребенку — и людей, и скот. И что, думаешь, сделали бы фронтовики за порезанных отцов, дедов, жен и детей? И чтобы вас не порезали всех до одного, батя отправил татар в безопасные края, словом, сжалился, спас... и куда? В Ташкент — город хлебный из голодного, разрушенного Крыма... Только батя мог взять вас под свое щедрое крыло, а вы: Сталин — убийца, деспот... Отец-благодетель, вот кто!

Куку, не впервые слышавший легенду о "бате-спасителе", весь сжался и глянул на старосту с таким выражением лица, будто жалел его, живущего, как его селяне, слухами, домыслами, газетными статьями... Собеседник же пристально, с хитрецой смотрел в упор на гостя, ожидая его ответа.

Куку с горькой усмешкой на устах разомкнул прилипшие губы и глуховатым тоном произнес:

— Тяжело же для нас было это благоденствие — непомерно, невыносимо тяжело. Еще в первые дни по пути в ссылки, в Узбекистан, из почти ста девяносто тысяч крымских погибли в вагонах от голода, болезней около двадцати тысяч детей и стариков немощных... А в самые первые год-два в местах расселения — еще треть от общего числа сосланных на гибель — шестьдесят пять — семьдесят

тысяч... И это вы считаете защитой, благоденствием?!

Бузина, похоже, пропуская мимо ушей эти цифры. Заскучав от их перечисления, встал и, поправив портрет вождя на стене, долго смотрел, повернувшись к Куку вспотевшей от духоты спиной.

— А как все было организовано! — с долей восхищения, наконец, откликнулся он. — Выстроить в ряд тысячи вагонов, без спешки и суеты, в какие-нибудь полчаса разместить татар в товарняки и в путь! Такое четкое действие по спасению сотен тысяч людей могли совершить только войска и НКВД под руководством вождя! А всякие потери по пути, и от шероховатостей обустройства на новом месте в первые годы — это издержки, в истории ни одно переселение народов не обходилось без потерь... Зато ядро татар сохранилось, и ты, партизан, не исчез в этом ядре, как мельчайший атом... Уехали, как ты сказал, двести тысяч, а возвращаетесь умноженные на два, с большим приростом четыреста тысяч... Мудр был батя, знал, где народ хорошо размножается — под южным, азиатским солнцем... — Резко повернувшись к Куку, добавил: а ведь были и другие мнения о вас, там, наверху. Предлагали не спасать вас, а подставить под гнев возвратившихся фронтовиков, под полное истребление... Нет человека — нет проблемы... Но батя настоял на своем — спасти от праведного гнева¹³...

Все это время Куку в нетерпении передвигался на стуле от одного края сидения на другой, чувствуя, как вместе с сердцем тяжелеет и тело. Считаю, что продолжать спор с таким заскорузлым в своем мнении человеком, бесполезно, добавил:

— А наши, крымские, тоже вернувшись с фронта и обнаружив, что семьи их высланы, обвиненные в пособничестве немцам, как бы они повели себя? На кого обрушили гнев? Как вот сейчас — партизан на партизана, послали вы против нас селян-дружинников... так бы и в тот год — фронтовики-славяне на фронтовиков-крымцев... Так выходит?

— Кхе! — воскликнул Бузина. — Вас, татар, вернулось раз-два и обчелся! На кого бы вы пошли? На силуще, на победителей?! Нет, среди вас тоже были на стороне наших... как этого звали, летчика? Хан? Султан?

— Амет-Хан Султан не единственный герой... С нами на похоронах младенца был здешний, шумовец, гвардии майор Леммар Арбатлы, представленный командованием на звание Героя, но из-за высылки народа решение отменили... И таких имен крымчан, чьи дела о награждении званием Героя были на рассмотрении, могу назвать десятки... А тысячи фронтовиков, представленных к воинским наградам — орденам и медалям, также остались не отмеченными из-за массовой высылки земляков.

Заметив в окне черную полосу на горизонте, Куку резко поднялся:

— Жаль, что наш разговор кончился на такой ноте — не поняли мы друг друга, Петр Петрович, жаль... Ведь в партизанских окопах и блиндажах, приказ для нас был един, что для казака, что для крымского татарина. И мы знали, кто наш враг... И хотя, слава богу, сейчас мы смотрим друг на друга не через мушку прицела, а хмуро, недобриво, враждебно, все равно придет время, когда мы поймем, что надо жить добрыми соседями...

Глядя на сгорбленную фигуру Куку Партизана, идущего к выходу, староста,

чтобы смягчить впечатление от тяжелого разговора, предложил:

— Попрошу Семенича подбросить тебя до "Шихмановских садов" на машине...

Куку в первую минуту хотел было отказать от услуги, но смекнул: объезжая на машине, возьмет на заметку движение милиции вокруг Красного Рая, заграждения у шоссе.

— Буду премного благодарен, — глухо откликнулся он.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Выйдя из машины Семенича у лесополосы, на краю поляны, Куку Партизан остановился, вдохнув полной грудью воздух, глядя на редкие огни во времянках и возле палаток краснорайцев. Ему показалось странным, что прожекторы, освещавшие в темное время суток насквозь всю поляну, не горели. Зато низкая полная луна светила так ярко, будто хотела разогнать тяжелую, напряженную пелену, невидимо висевшую над Красным Раем после погрома и гибели младенца Ильеса.

"Наверное, осветители прожекторов уверовали, что все сбежали с поляны," — усмехнувшись, подумал Куку.

Один из ночных стражей, дежуривший возле ближних палаток — высокий и худощавый, не расстающийся с суконной шляпой на лысине — краснораец Эсат по прозвищу Бестекяр¹⁴ — не услышал шум подъехавшей машины и шаги Куку Партизана, увлеченный игрой на скрипке. Подбирая различные аккорды, он мечтал слегка осовременить классическую мелодию танца "Тым-Тым", чтобы ею увлеклись и молодые возвращенцы, тяготившие теперь больше к джазу и рэпу, входящими в моду.

Куку Партизан неслышно подошел сзади и окликнул:

— Бестекяр, все наши вернулись после похорон?

Эсат вскочил, прижав смычок к груди:

— Все, кроме вас, — и, довольный, улыбнулся.

Откуда-то из темноты палатки появился асретовец Ильвер с увесистой палкой, дежуривший с Эсатом вдвоем, и вставил:

— Не вернулись только те, кто оставил поляну после погрома... У меня список: Февзи Соцкий, Ажди Алтын, Мемет Дадоу, Гулливер Военный, Али Павло, Мехмет Табах, Дареджи Шармат,¹⁵ наш барабанщик, всего пока семь мужчин... Оно и понятно — не выдержали, человек слаб...

Заметив, как помрачнел Куку, Ильвер, шагав с ним рядом, время от времени, постукивая досадливо палкой о землю, будто стук этот навеивает воспоминание о его с другими возвращенцами стоянии в Асрете:

— Когда на нашей поляне в Асрете случился погром... так же все крушила милиция, не разбирая, мужчины или женщины, гоняла всех в дыму и в огне дубинками, куда попало... Такое же столпотворение было, как в нашем Красном Раю... Словом, под покровом ночи из Асрета дезертировали девять наших мужиков... двое даже не успели забрать своих жен, — Ильвер скривился и смачно сплюнул. — Защитнички! А ведь в Асрете собрались и корбекские, беш-терекцы и из Демирджи, шумские, словом, возвращенцы со всего Крыма, и мы побратались... такое асретовское братство... И вдруг после первого погрома среди нас объявились дезертиры. Разве такое простительно, когда

речь о защите наших семей, нашей земли, чести крымцев, которые всегда были отменными воинами и умели постоять за себя...

Проходя мимо полуразрушенной времянки, окна которой были затянуты прозрачной пленкой, услышали детский плач — именно дети, кажется, наиболее остро чувствовали тяжесть случившейся траурной ночи — и успокаивающий под ритм укачивания женский голос, напевающий:

— Эсма, балам, эс... Аларым санъа фес...

Умолкший было ненадолго Ильвер продолжил с прежней настойчивостью: — Так вот, дабы при очередном штурме поляны не было паники и дезертирства, решили скрепить свое братство клятвой на Коране... Выстроили в ряд все имеющиеся у нас канистры с бензином... Каждый асретовский мужчина подходил, брал в руки Коран и, называя свое имя и профессию, давал клятву стоять до конца, до победы...

— Подействовало? — кратко поинтересовался Куку Партизан, глядя по сторонам и оценивая, как потрудились за день краснорайцы, складывая заново ракушечник в полуразрушенные времянки...

— Беспроигрышно! — воскликнул Ильвер. — При очередном штурме асретовцы, как львы, стояли насмерть, угрожая выплеснуть на наступающих омовцев содержимое канистр, да так, чтобы земля горела под ногами карателей... Через день явилась комиссия из района, стала брать на заметку имена нуждающихся в земле и в жилье...

— И что? — насмешливо произнес Куку, — небось, занесли асретовцев в списки нуждающихся, как составлял такие же списки наш алуштинский чинуща Кучук Энвер Сеитович — и все, пустое... клочок бумаги.

— Да нет же! В случае с Асретом нет! — Ильвер еле послевавал за Куку, для убедительности размахивая руками. — Иначе, как бы я оказался здесь, среди краснорайцев?! Хотя по клочку, но землю получили, дело не в размере, а в том, что она наша, родная... Сейчас там брат Певат строит для своей семьи и моей...

— А ты к нам, значит, опытом делиться? — Придержал шаг Куку и дружески дотронулся собеседнику до плеча.

Ильвер отчего-то слегка смутился: и, избегая прямого ответа, поведаль:

— А ритуал клятвы мужества и верности на Коране по-арабски "Байат ар-ридван"... Может, слышали?

Куку снял с головы тюбетейку и в задумчивости сморщил лоб:

— А что, если и здесь, на нашей поляне, совершить "Байат ар-ридван". Надо посоветоваться... кто — за, кто — против...

Кстати, опытом выживания в Асрете, которым поделился Ильвер, дополнили знания краснорайцев. При постоянной нехватке воды на поляне асретовцы выкопали большую яму, завернули ее в прозрачный целлофан, и частые весенние и летние ливни в тех краях, наполняли этот резервуар, что было большим подспорьем в жаркие дни. Дождевой воды хватало даже для полива овощных грядок.

Возвращаясь назад, к своему посту, Ильвер промолвил:

— Такие, как Энвер Кучук, прислуживающие за мелкие подачки нашим недоброжелателям, попадались среди ссыльных и в Узбекистане, — и философски заключил: — В каждом борются и светлое и темное, от шайтана... Помните, как они расхваливали как рай земной Муба-

рек? Если бы мы поверили в их сладостные речи, сейчас бы не стояли здесь, в Красном Раю...

Недалеко от площадки, где акем¹⁶, Леммар Арбатлы собирал по утрам краснорайских подростков на пробежку или игры в футбол, в свете догорающих углей под казаном, очертились фигуры двух женщин.

В одной из них, по звучному голосу можно было узнать кормилицу поляны, повариху Шефику, благодарившую собеседницу:

— Спасибо, Мусейма-апте... такой путь к нам проделали, а ваш отек еще теплый, ароматно пахнет. И малыши будут рады отведать клубники. Наши здесь, возле времянок, насыпали землю под огород, но клубника уродилась бледной, без вкуса... Видно, воду она здешнюю не принимает, наши наконец, до воды добрались, колодец выкопали двенадцать метров в глубину. Пить и готовить на ней можно, а вот в огороде вода заболачивается... — Помолчала, причмокивая от вкуса клубники. — Вот гляжу на вас, Мусейма-апте, и вспоминаю мать нашей Айше¹⁷ — героини из Дерменкоя... Такой же разрез глаз... — продолжала, видимо, соскучившись по общению Шефики, которую собеседница изредка прерывала лишь кивком головы и коротким «Да — да!» — Мы с Айше учились в одной школе, бойкая была, смелая, отлично играла в волейбол, а когда мы, пионеры, отправлялись в поход к морю, шла впереди, отстукивая дробь по барабану... И знаете, когда пришли немцы, вдруг исчезла... И мать ее молчит и отец, он был мельником, тоже пожимает плечами... Думали, война, демиркойцев раскидало — на фронт, а молодые ушли повыше в горы, чтобы немцы не угнали их в Германию или Румынию на рабские работы... А потом пошел тихий разговор в Дерминкое, что Айше в партизаны ушла, в подполье, собрав вокруг себя мужчин и женщин... Эх-эх, — тяжело вздохнула Шефика, — узнали мы об этом, когда немцы замучили ее у себя в гестапо... Ни слова не обронила, когда юное тело ее жгли раскаленными прутьями, не выдала своих... А через год и на нас кара пала, погнав оставшихся демиркойцев — одних, в Узбекистан, других — на Урал... Вот такая у нас горькая судьбина... — и, подвинувшись поближе к хозяйке чугунного котла, доверительно добавила:

— Наше село Партенит тоже не ударило лицом в грязь в годы войны. Может, вы слышали о нашем герое Абдул Тейфуке?¹⁸ Как сейчас помню его, стройного, красивого. Он работал в нашей школе заведующим, и все девушки были в него влюблены... И всей школой провожали Тейфука служить в армию... Слышала от его отца уже в ссылке, в Ангрене, что погиб наш герой незадолго до окончания войны и похоронен на холме славы во Львове... Надо будет собрать оставшихся односельчан, поехать во Львов, поклониться его праху.

Ломая о колени сухие ветки и подкладывая их под казан для утренней трапезы, Шефика продолжала изливать душу:

— Мне здесь дали кличку «Шефика-тоймаз» — ненасытная. Это наш завхоз Энвер, потому что я постоянно упрекаю его: «Почему, Энвер, так мало хлеба привез, загляни-ка в баки — вода на доннышке» и наградила его в ответ — Пастабаш — ленивый, соня... И знаешь, милая, меня редко, кто величает Шефика-тоймаз, зато Пастабаш так прижилось, что все здесь так к нему и обращаются... Если

бы не один добрый человек из Алушты, который привозит на мотоцикле полный багажник хлеба, сладостей и другое для еды, не знаю, как бы мы здесь держались на ногах...

Куку Партизан, продолжая проверять, все ли ночные дозорные на своих местах, услышал в голосе Шефики тревожные нотки: — Обещал приехать в этот день, чтобы вместе помянуть всех тех, кто после нашей трагедии восемнадцатого мая остался лежать в сырой земле чужбины. Но, видно, Идлык Мада задержался на службе...

— Я слышала, — откликнулась гостя, — здесь 18 мая каратели отравили газом невинного младенца, — и запричитала: — Ой! Ой! Как ступила на поляну, сразу почувствовала, что в воздухе витает душа убиенного, не желая расставаться с родителями... Ой! Ой!

— Да, — опечалилась Шефика, — на чужбине нас травил газом на собраниях протеста, и здесь, на родине, нас встречают не лучше... Такова, видно, наша доля...

Гостя, прошептав поминальную молитву, встала, но Шефика запротестовала: — Ты куда, милая, на ночь глядя, переночуй с нами, места хватит... Тревога женщин передалась и Куку Партизану, подумалось: «Адам... Что могло случиться? Человек осязательный, если обещал, придет... — и, шагнув дальше, чуть не столкнулся лицом к лицу с Османом Мамутом, как обычно озабоченно шептавшим что-то, видимо, суры из Корана.

— Знаете, Усеин... Наш младенец Ильяс попадет в рай, — удивил он Куку неожиданным откровением.

Куку не сразу нашел, что ответить, и Мамут пояснил свое уверенное предположение:

— Когда Мункар и Накир — ангелы могилы, предстанут перед ним с допросом, как это они делают с каждым усопшим: кто твой Господь? Пророк? Вера?... Ильясу достаточно будет ответить им словами азана и икамы, которых я шепнул ему на правое и левое ухо, сразу после его появления на свет...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эти последние дни весны, относительно мирные, краснорайцы оценивали, как затишье перед очередной бурей и посему не преминули ими воспользоваться. Добраивали времянки, облагораживая их такими штрихами, как узорчатые двери, расписные ставни на окнах, бывших некогда в родовых усадьбах, разукрашивали стены разноцветным ракушечником, дабы придать жилищу облик крепко державшегося на земле дома...

В предчувствии жаркого лета пристраивали к ним навесы, продуваемые свежим ветерком, плели и натягивали вокруг них заборы из подручных ивовых прутьев, обустрояваясь надолго, если не навсегда, будто вдохновляемые птицей Феникс, возродившейся из пепла.

О Фениксе¹⁹ упомянул в разговоре с асретовцем Ильвером поселившийся недавно на поляне, возвращенец из села Лаки по имени Каллистрат. Когда он говорил, казалось, что в глазах шестидесятилетнего старца загорались всполохи пламени, в котором сгорела дотла его деревня, подожженная немцами за помощь партизанам. Перед бегством из села четырнадцатилетний Каллистрат, прислуживал трапезарию²⁰ в местном храме святого Луки, а спустя два года вместе с нынешними краснорайцами, был сослан из Крыма.

За кроткий и безотказный нрав его имя, означающее по-гречески прекрасный, краснорайцы переименовали на свой лад, дав ему прозвище — Дюльбер.²¹

Еще большую симпатию обрел на поляне Дюльбер, когда выяснилось, что он не только бегло говорит по-крымтатарски, но и разбирается в тонкостях произношения. К примеру, нередко слышал в разговоре краснорайцев, затрагивающих тему возвращения на родину, бывший служитель греческого храма тактично поправлял, мол, не «кьайтармакъ», потому что нас никто не возвращал и не встречал с распростертыми объятиями, а точнее будет сказать «кьайтмакъ», ибо все мы вернулись на свой страх и риск.

Оставленный на очередное дежурство на поляне Дюльбер сожалел, что не предал земле вместе с другими младенца Ильяса. И по прошествии дней остро почувствовал, что воздух все еще наполнен тяжелой атмосферой утраты первого гражданина «свободной территории Красный Рай».

Эта атмосфера, казалось, подменила всех краснорайцев. В эти дни редко можно было слышать смех или громкую на всю поляну музыку. И, кажется, любимая певица Сабрие Эреджепова пела вполголоса, надрывно на магнитофонной записи — слушать ее после рабочего дня краснорайцы собирались в «Истрираат» или «кьавехане».

Слушая пение Сабрие, передавали из рук в руки потускневшую фотографию, сделанную на ташкентском кладбище, запечатлевшую и надпись на надгробии: «Азиз хатренъни эбедий оларакъ юрегинде ташыйджакъ миннетдар крымтатар халкъындан»²² — шептали губы, сливаясь с грустным аккордом ее песни.

Словно в унисон общему настроению поляны собаки-сторожа редко подавали голос, лишь хрипом предупреждая о появлении незнакомца в темноте. А ослик, бродивший в поисках травы возле землянки Куку Партизана и будивший его по утрам назойливым криком, за что удостоился от хозяина клички Мусаллат, лишь скреб землю копытом, изнуренный бескормицей.

А ведь по утрам, когда Осман Мамут слышал его крик, непременно повторял:

— Мусаллат извещает, что ангелы ночи передают дозор ангелам дня — время для саба — утреннего намаза.

Казалось, все живое здесь поглощено работой — и люди, и птицы, переставшие замечать пролетающий два раза на дню вертолет-разведчик, как напоминание о противостоящей краснорайцам силе. Лишь щенки-дворняжки с тьяканием срывались с места, пытались наступить тень машины, едва не срезавшей лопастями крыши мазанок...

Правда, в лихорадке восстановления разрушенного краснорайцы нетнет, да и вспоминали сказанное старостой Кутузовки Куку Партизану, мол, к осени вас вынудят уйти с поляны перед посадками сада.

Были разные мнения на сей счет. Нурфет предлагал заранее облюбовать другую поляну протеста здесь же, в окрестностях Алушты. Тогда и его Румейса, по сей день хворающая и почти не встающая постели, распрощается с местом, где погиб ее Ильяс.

— Не лучше ли нам самим посадить вокруг жилищ самые лучшие сорта крымских яблок — синап, шафран, судак алма или груш — ильямус, фердинанд? Думаю, здесь примутся и сливы сорта джан эрик... как вспомню вкус с детства, рот будто наполняется соком...

Думаю, почва здешняя поднимет в рост и сорта орехов — кисерем фындых и трампаз фындых... размышлял Энвер Пастабаш. — Мне ли вам, друзья, рассказывать, там, где наши деды и прадеды закладывали дом — в долине ли, в горной местности, первым делом сажали сад... Правда, с водой здесь туговато, но, думаю, староста Шумы пойдя навстречу и позволит сверху прорыть водоспуск — арык... И назовем мы поляну «Краснорайские садки» в пику Багрову и его холуям. Ишь-ты! — в сердцах восклицал завхоз. — Придумали подхалимы «Багровы садки», за какие такие заслуги, спрашивается?

Было предложение и от Ильвера: переселиться всем в Асрет, в отвоёванную поляну, где его брат строит на две семьи дом, асретовцы отрежут часть из своих делянок для краснорайцев...

Пытались гадать и о таинственной личности бывшего хозяина Красного Рая — Шишмана — кто? что? Пока, судя по имени, согласились: караим...

Но простой и веский аргумент на сей счет Осман Мамут на время успокоил краснорайцев:

— Что касается намерения старосты... Как говорят в таких случаях узбеки, к осени или ишак сдохнет, или падишах душу Богу отдаст.

Так что не надо этим голову забивать. У нас здесь есть более важные заботы.

По поводу «Багровых садков», вроде, успокоились, зато краснорайцев не переставал волновать вопрос: почему Идлык Мада перестал приезжать на поляну, что ранее делал с регулярностью раз или два в неделю? не случилось ли чего с лейтенантом? Куку Партизан подумывал послать кого-нибудь тайком в Алушту, чтобы разузнать, где его дом, пораспрашивать родных или прямиком добраться к зданию городской милиции на улице Владимира Хромых. Адрес этот знали многие краснорайцы, кому не раз приходилось сидеть там, в обезьяннике; за нарушение паспортного режима.

Шумовец Асан Солакьай уже прокручивал в голове дальний маршрут тайком через Юкьары Шума к берегу моря и, сделав большой круг, пробраться через милицейские посты в Алушту.

Наблюдая за тем, как Асан ходит взад-вперед, мучительно прочерчивая в воображении безопасный маршрут, его сосед по времянке лудильщик Мустафа, проверяя на звук дырявый медный таз, посоветовал шутливо Солакьаю:

— Огъурсызлыкьны кьайтармагъа истесень, якъанъны тишлемек керек²³.

Но все догадки и сомнения развеялись, когда под вечер, затемно приехал Дагджи — подавленный, удрученный, каким оптимиста и весельчака, давно не видели. Сообщил ошеломившую всех весть: Идлык Мада арестован и заключен в следственную тюрьму.

— Как? За что? — схватился за голову Энвер-Пастабаш, подумав о том, кто теперь будет помогать ему пополнять запасы еды, но, устыдившись своих мыслей, уперся взглядом в землю.

— 18 мая, когда лейтенант ехал сюда, в Красный Рай, чтобы помянуть со всеми трагедию сорок четвертого года, ему устроили засаду в лесу, — усталым, надтреснутым тоном поведал адвокат, почему-то расстегивая и застегивая портфель. — Следовательно обвиняет его в нарушении присяги работника милиции и в корыстных деяниях, будто бы извещая краснорайцев о том, что готовит против них милиция, получал здесь вознаграждение, «Оборо-

тень в погонах» – на их жаргоне, – добавил, нервно засмеявшись: – Ха-ха! Бахшыш с босых и голодных!

Куку Партизан после тяжелого молчания возмущенно ударил кулаком по столу, да так, что легкий навес пошатнуло:

– А на часть денег, которые у нас вымогал – привозил нам же хлеб, кофе, соль... Так, господин следователь! – произнес с такой интонацией, будто заочно спорил со своим следователем по надуманному делу – наезду на соотечественницу на обледелой дороге. – И это ваше обвинение Идылек Мада также ложное!

Дагджи в тон ему с долей сарказма:

– Кстати, о хлебе и кофе, которых лейтенант вез на поляну... Следовательно с трудом удалось собрать вещественные доказательства... После задержания все кофе в банках было разворовано самими же милиционерами из багажника мотоцикла...

Куку Партизан дал волю ядовитой усмешке:

– Да, ведь доблестная милиция голодная и босая... А лжесвидетеля, видевшего как Идылек Мада вымогал бахшыш, уже подобрал?

Дагджи глянул на часы и спешно захопнул портфель:

Следователь сказал:

– Из ваших же доброжелателей – крымец-возвращенец уже дал показание... – и шагнул от навеса по направлению к шоссе.

Осман Мамут, потирая неожиданно появившуюся боль в колене, осуждающе прищурил глаза:

– Откуда среди нашего народа-страдальца берутся такие лжесвидетели? И такие бессердечные, готовые продаться за подачки, как Энвер Кучук? Наверное, это у них наследственное. Отец или дед, видно, прислуживали немцам в охоте на своих же крымских партизан за чашку полхлебки, а еще хуже, чтобы власть показать перед своими сельчанами... К счастью, таких было немного, но они были!

Куку Партизан же крикнул Дагджи вслед:

– Ты ведь и на этот раз покажешь свое адвокатское мастерство?! Мы верим тебе!

Дагджи не расслышал из-за рева вертолета, но на всякий случай успокаивающе махнул рукой...

...А днем ранее напряжение на поляне несколько спало, когда в вырытом колодце, наконец, блеснула вода. Осману Мусе, старшему по возрасту, краснорайцы доверили попробовать на вкус и оценить с таким трудом добытую из каменистой почвы воду. Он полоснул ею рот, и по движению его губ окружившие поняли, что вода старцу пришлась по душе. Затем Мамут омыл лицо и руки, ощущая холод глубин. Прочитав дуа и обратился к краснорайцу Шекету Зморка, который оказался не только искусным парикмахером поляны, но и по особым приметам нашедший водяную жилу:

– Да возраст тебе Аллах благом! – и добавил: – Если бы Господь, как во времена пророка Мусы, мир ему, осыпал поляну манной небесной, в Красном Раю была бы хлебная независимость.

Затем к наполненной деревянной кадке стали по очереди подходить дети и, приветствуя: «Селям алейкум», черпнув кружкой воды, пили и пили... слыша в ответ одобрительное от Османа:

– Сув киби сагълам ол²⁴...

Не терпелось попробовать свою, а не привозную воду и тем, кто спозаранку совершал на площадке чапма – бег с препятствиями под судейскими свистками майора Албатлы, приучившего краснорайцев к различным упражнениям и спортивным занятиям.

Даже неожиданный лай собак, устремившихся в сторону шоссе, не прервал ритуал поклонения воде, хотя по их голосам, сливающимся в грозный хор, было понятно: с таким отчаянным воплем дворняжки встречают тех, кто в милицейских мундирах.

По поляне, опасливо оглядываясь, шагал с канцелярской папкой в руке сам Энвер Османович Кучук, поминутно придерживая шаг в ожидании двух рядовых милиционеров, спотыкающихся в тяжелых сапогах о камни и куски шифера.

Собравшиеся вокруг колодца многозначительно переглянулись – обманутые не раз и не два Кучуком и его начальниками из Алушты, отныне решили пропускать мимо ушей все их просьбы, увещевания, угрозы...

Кучук, знавший, чем закончился недавний погром Красного Рая, напряженно всматривался в картины вновь воздвигнутых мазанок, на разбитые сваи на делянках, подготовленных для возведения стен и крыш. В пейзаже, зри-

ли дети, вдоволь напившиеся вкусной воды из колодца.

Словом, полная картина вновь налаживающейся жизни после недавней страшной ночи. И посему первое, что сказал Кучук пафосно встречному краснорайцу, мастеровитому деревянную крышку для колодца, было:

– Восторгаюсь своими земляками! Их жизнелюбием и настойчивостью!

Столяр, еще издали заметивший Кучука и двух сопровождавших его милиционеров, в ответ не поднял головы, проведя пилой по доске, лишь из вежливости кивнул.

Местные дворняжки, которых особенно раздражали жезлы на боках милиционеров, продолжали лаем сопровождать нежданных гостей до самого навеса.

– Я горжусь жизнелюбием своих соотечественников! – с ноткой торжественности проговорил Кучук, остановившись возле играющих в шахматы.

В ответ Осман Мамут и Куку Партизан ответили кивком головы, продолжая с сосредоточенным видом колдовать над доской.

Зная о “заговоре молчания” краснорайцев не только в отношении него, но и всех алуштинских должностных лиц, Кучук и на этот раз не растерялся, лишь сдержал паузу, подбирая нужные слова.



тельно сложенном в общую картину, Кучук выхватил и колодец с длинной лобедкой, поднятой над источником, и Акътабана, с опущенной почти до земли обиженной мордой. Коня поначалу хотели использовать как водоноса, медленно шагающего вокруг колодца и черпающего воду наружу с помощью журавля, но Акътабан заупрямился, стал фыркать и топтать копытами, наверное, считая для себя, породистого скакуна, такую работу унижительной. Энвер успокаивающе поглаживал Акътабана по гриве: “Чал атым...”²⁵.

Приближаясь к навесу, где Осман Мамут и Куку Партизан, демонстративно, разложив на доске шахматные фигуры, продумывали ходы, Кучук заметил и привычную утварь, которой пользовались возвращенцы еще в Узбекистане: самаркандские медные рукомойки, плоскодонные бухарские свадебные казаны для угощения пловом сотен гостей, слегка вогнутые вовнутрь ферганские кетмени, сложенные возле “Устананэ”, а в веревках, натянутых от мазанки к мазанке, – чусткие полосатые халаты, еще не высохшие после стирки женского покроя платья из хан-атласа, возле которых увлеченные игрой “Пельки хамтавыклар”²⁶, кудахтая и кукарекая, бега-

Для солидности передал папку с бумагами неуклюжему милиционеру, на котором мундир висел как с чужого плеча.

– Бабай, – неожиданно упрекнул он Османа Мамута, помахивая папкой возле лица. – Ты чего зазевался? Ходи ферзем на его коня...

Осман Мамут, будто не услышав его реплику, еще ниже опустил голову над доской.

Заговор молчания неожиданно прервал слесарных дел мастер Мефа, по прозвищу Шакъаджи – шутник, острослов и балагур, знающий наизусть все анекдоты о Ходже Насреддине²⁷. Направляясь вместе с Дюльбером в сторону “Тамирхане” с мотком проволоки за плечами, Мефа придержал шаг и, с сарказмом в голосе, обратился к Кучуку:

– Как-наши-ваши-их дела? – выпалив скороговоркой, почему-то кивнул он в сторону милиционеров.

Видно, что Кучуку полегало от того, что кто-то ненароком, хотя и с издевательскими нотками, прервал “заговор молчания”.

Кучук, с трудом подбирая слова, заговорил на крымтатарском:

– Ватандашым... Бу ишнинъ бир “аммасы” бар...²⁸ – но, запнувшись, перешел на русский: – Целый клубок воп-

росов, один конец которого завязан на нас с вами...

Заметив по беспокойно бегущим глазам Кучука, что он и на этот раз выступит в роли изворотливого чиновника, Мефа прервал его:

– Скажите честно, как земляк земляку: вы приехали, чтобы высмотреть здесь для себя участок под дачу? Наверное, наслышаны, что к осени ожидается на поляне решающая битва, чтобы изгнать нас? Не выйдет, мы будем стоять здесь стеной, – и выкрикнул Кучуку в лицо: – Родина или смерть!

Пока Мефа придержал шаг, чтобы излить на собеседника всю накопившуюся желчь, Дюльбер смотрел на Кучука, не отрывая пытливого взгляда, словно вспоминал что-то мучительно. При этом от нервного напряжения Дюльбер не мог стоять спокойно, переминаясь с ноги на ногу.

Сопровождающие милиционеры тоже не стояли на месте: один из них, приставив бинокль к глазам, водил им по сторонам, второй, пригибаясь, то снова выпрямляясь во весь рост, щелкал фотоаппаратом направо и налево.

– Не буду отвечать на ваши колкости, – Кучук отвернулся от насмешливого взгляда Мефы, и, приближаясь к шахматным игрокам, проговорил: – Неужели наш народ на чужбине полностью отказался от заветов предков, от того, что всегда украшало нас – уважение к старшим, скромность, целомудрие в женщинах?.. Приехал я сюда, чтобы как Адам Военный информировать Красный Рай... Вернее, заменить лейтенанта и быть для вас информатором. – Ироническая улыбка пробежала по его сомкнутым губам.

Извлекая из папки бумагу, Кучук обратился к игроку в шахматы:

– Усеин Бекирович, я привез приглашение от имени нашего председателя Климовича Павла Алексеевича на переговоры... Забегая вперед, скажу: дабы избежать повторного нападения на Красный Рай селян-собственников поляны, ненужных жертв, насилия, горисполком подобрал для ваших людей здание, крышу над головой...

Куку Партизан на минуту задумался, отвлекшись от фигур и также не глядя на Кучука, протянул в его сторону руку. Кучук с изяществом протянул меж его пальцами бумагу, облегченно вздохнув.

– Здание – общежитие бывшей текстильной фабрики на улице Заречной. Алуштинский богатеи по кличке Рябой выкупил за бесценок фабрику и обанкротил ее, выгнав на улицу две сотни работниц... Капитализм – ничего не поделаешь... правда, здание требует ремонта, но, глядя на то, как вы снова обустроились на поляне после погрома, ваши хлопцы в два счета справятся и сделают из здания конфетку... Поживите там, пока ваш вопрос не будет решен... Извините, – Кучук, глянув на часы, заторопился обратно в сторону шоссе, то опережая в шаге, то отставая, от своих охранников-милиционеров.

– Яланджы он и есть яланджы²⁹, – проговорил, глядя ему вслед Куку Партизан, и пока складывал бумагу в карман, Осман Мамут тихо, с придыханием тоже естественно объявил:

– Вам мат, дружище...

Дюльбер, проводив Мефа до мастерской, вернулся к игрокам, как раз в тот момент, когда Куку Партизан, досадливо почесав в затылке, стал убирать

фигуры с доски, высказывая причину своего поражения:

— Если бы непрошенный гость не отвлек меня, тыкая в лицо своей бумагой... — и чтобы успокоиться, походил взад-вперед, пока Осман Мамут не обратил внимание на Дюльбера и не окликнул его: «Дружище Дюльбер, желаешь сыграть со мной партию?» — и добавил шутиливо, разгибая от долгого сидения отекавшие ноги: — Нет, нет, я заранее признаю поражение, у тебя, я заметил, ум быстрый в работе, ведь твои предки — греки, были отменные шахматисты.

Видя дружелюбный настрой победившего в игре, Дюльбер сел на край навеса и помолчал, не зная, как поделкатнее подобрать нужные слова. И заговорил несколько нескладно, потирая кончик носа:

— Непрошенный гость, как вы его называете... он мне напомнил, когда я был еще подростком... мне давеча запомнился ваш вопрос: не наследственное это в людях, когда отец или сын прислуживали немцам... против своих же крымских партизан? Извините, — доверчиво глянул он на собеседника, — вопрос этот деликатный и больной для всех крымских татар, болгар, армян, нас, греков, для всех, кого сослали из родных мест... Односельчане жили век бок о бок, ходили друг к другу на праздники, на свадьбы, мечтали породниться семьями через дочерей и сыновей... — Мягкое выражение глаз Дюльбера, неожиданно обрели стеклянный блеск. — Кучук не только внешне, но и манерой говорить, напомнил мне односельчанина из Лаки Ибрагима Обека — такое же лицо с обвислыми щеками, густые, в два пальца, брови...

Куку Партизан, собравшийся было направиться в сторону своей землянки, вернулся, заинтересованный рассказом Дюльбера. Уловив его ободряющий взгляд, Дюльбер стал выражаться плавно, без пауз:

— Словом, как немцы вошли в Крым, наш сосед Ибрагим Обек куда-то исчез, оставив жену и детей... Мы гадали, куда пропал сосед через ограду... помнится, отец мой Христофор дружил с ним, играл в шашки, вместе прививали фындык³⁰, обсаживали сад дафне³¹, одним словом, вот так, помню, все было, — Дюльбер неожиданно спохватился, виновато глянув на обоих слушателей: — Вам, наверное, неинтересно?

— Интересно... — глухо молвил Куку Партизан. — В Лаках, помнится, партизанами руководил Николай Спаи³², часто был на связи с нашим Абдуллой Дагджи...

Дюльбер, желая закончить тяжелые воспоминания, лишь кивнул Куку Партизану и продолжил скороговоркой:

— Помнится, был конец марта сорок второго года — все вокруг цело... Видим, к селу идут немцы, а впереди проводником сосед Ибрагим Обек. Глазам не поверили. Стали врывать по домам: «Где Николай Спаи?» А Спаи перед их приходом успел скрыться... хотя его потом выдали немцам...

Заметив, как увлажнились глаза Дюльбера, а голос дрогнул, Куку Партизан заметил, чтобы заполнить паузу:

— О том, что ваше село сожгли дотла и многих заживо в огне, нашему «дяде Володе» сообщил другой партизанский командир Михаил Македонский³³... ваши из Лаки помогали не только своим, но и ребятам Македонского едой и всем, чем можно...

— Мне трудно, — глубоко вздохнув, признался Дюльбер. — Скажу только

о том, что напомнил мне Кучук... Когда наш дом уже горел, отец на руках выносил больную мать, вдруг вместе с двумя немцами, вбегает к нам во двор Ибрагим Обек и стреляет из винтовки в отца и мать... Немец, засмеявшись, похлопал Ибрагима по плечу... Все, что я помню...

После тягостного молчания Дюльбер признался с горькой усмешкой:

— И в дурном сне не мог представить, что через год после ссылки, встречу в бараке под Ангренем, умирающих от голода жену полицака Обека — Зарему-ханум и двух его сыновей — Сарыхалила и Сейт-аблу... Сам же Ибрагим, как мне сказали, сбежал с немцами в Германию... Я подумал нехорошее, крамольное: неужто семья отвечает за злодеяния отца Ибрагима Обека?

Мимо прошел все с тем же мотком проволоки за плечами, выразительно глянув на Дюльбера, Мефа Шакъаджи.

Дюльбер хотел было подняться, но Осман Мамут прижал ладонью его руку:

— Ты ведь не зря вспомнил все это... У таких, как Ибрагим Обек, были разные причины стать прислужниками немцев... Одни мстили за то, что их отцы и деды, умеющие работать и наиболее успешные в селе, были раскулачены, обобранны до ниток и отправлены в холодные края, были и такие, кто как наш сельский имам в Узунджи Певат-аджи пострадал за веру. Ведь не секрет, что как и в нашем селе всюду по Крыму ходили комсомольцы-добровольцы, как нынешние дружинники, и следили, кто читает намаз, а в месяц поста Рамазан выслеживали, кто ночью в разговении включил в доме свет, чтобы поесть... Тех, кого подозревали в соблюдении, почти насильно заставляли среди белого дня есть или пить воду, чтобы нарушить их пост... Но были и такие, кто стал пленником своего нафса.³⁴ Они желали выслужиться перед немцами, получить их похвалу или награду, или хлебную должность — переводчиком при старосте или писарем на арабском в гитлеровских комендатурах... К счастью, таких немецких холуев среди крымцев, как и греков, болгар было мало... И вот я часто думал уже в Узбекистане: почему НКВД Берия такая многочисленная организация с тысячь и тысячь осведомителей не пожелала разоблачить немецких прихвостней, а выслала всех разом и тех, кто помогал партизанам, самих партизан и их семьи, семьи фронтовиков и вернувшихся героями с войны за своими семьями... По принципу: нет человека — нет проблемы, нет народа — нет проблемы. — И повернулся к Куку Партизану, кивавшему Осману в знак согласия: Вот живой пример партизана, боровшегося за родину и лишеного ее, — и, глянув на солнце, приближающееся к зениту, поднялся:

— Лучшее лекарство, чтобы такие воспоминания посещали реже, — молитва и еще работа...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Юсуфу Дагджи показалось, что дежурный следственного изолятора умышленно тянет время, не допуская его к обвиняемому. Рассматривает со всех сторон удостоверение адвоката, чуть ли не пробуя на зуб ее подлинность. Отстегивает по ходу верхнюю пуговицу кителя, всматриваясь в Дагджи. Снова пристегивается, проводя пальцем сверху вниз по до блеска вычищенным пуговицам. Отчего-то тяжело вздохнув, заявляет:

— У вашего подзащитного посетители... Советую прийти завтра.

Дагджи подался телом к окошку не столько от нетерпения, сколько из любопытства, кто эти посетители?

— Имею право на посещение в любое время, таков закон, — и, опустившись на скамейку в коридоре, стал ждать, перекладывая из портфеля бумаги.

— Как хотите, — пожал плечами дежурный и протянул руку к журналу, который рассматривал до прихода адвоката: «Бурда моден весна-лето 1992 года»³⁵.

«Наверное, домашние Адама, кто же еще?» — подумал Дагджи, немного успокоившись.

И действительно, Арсений Петрович, Анна Владимировна и Эмма сидели напротив решетчатого окна, прижавшись плечами друг к другу, но все равно не могли обозреть всю фигуру Адама, его руки, плечи.

После напряженного всматривания в лицо Адама Арсений Петрович, тяжело вздохнув, снял очки:

— Стоило ли от нас скрывать свои ночные поездки в Красный Рай, Адам? Разве бы мы тебя не поняли? Зов крови, желание помочь своим...

— Ладно! — перебила мужа Анна Владимировна, проведя пальцем по красным, опухшим векам. — Не надо упреков... Лишившись головы, по волосам не плачут, — и дрогнувшим голосом, стала причитать: — Осунул... Чем тут кормят?

— Чем? Чем? — поерзал на скамейке Арсений Петрович. — Ясное дело, пролетарской тюремной баландой... Не как в царствование Павла I... Каждому арестованному выдавали полфунта окорока и две унции табака ежедневно...

— Я твои любимые вареники с вишней состряпала, — почему-то виновато молвила Эмма. — Пару носков и книгу, как ты просил, «Горе от ума».

В свете приоткрывшейся двери ей показалось, будто прибавились седые волосы на висках мужа.

— Вот-вот... Как раз таки Грибоедов и годится Адаму в собеседники в его положение, — встряла с репликой Анна Владимировна.

Судебный пристав, наблюдавший за их беседой, шире открыл дверь и заглянул, давая понять, что свидание окончено.

Строго глянув на него, Арсений Петрович взял под руки жену и невестку, и с иронией в голосе обратился к Эмме:

— А передадут ему охранники все, что ты приготовила вкусного, не располовинят ли...?

Дагджи, терпеливо ждавший их у выхода, едва было подумал: «Странно, у всех следственных изоляторов в Ташкенте, Андижане, Фрунзе и здесь, в Алуште, один и тот же застоявшийся запах, замешанный на хлорке, ваксе для чистки сапог и книжной пыли», — как услышал скрип досок за дверью.

Адвокат поднялся, прижимая портфель к груди. И едва домашние Адама вышли из дверей, как поспешил ил представиться:

— Добрый день, я адвокат Адама Военного...

В первые секунды, замкнутые в горьких размышлениях, домашние Адама, кажется, не придали значения его словам. И лишь сделав несколько шагов к выходу, Арсений Петрович остановился, удивленно и растерянно глядя на адвоката:

— Вы — Дагджи? Адвокат? Как же мы сразу не догадались? Адам рассказывал, как вы грамотно и профессионально, не хуже самого Плевако³⁶ провели суд и вызволили на волю оклеветанного партизана из Красного Рая...

Анна Владимировна и Эмма с женским любопытством, разглядывая Дагджи чуть ли не со всех сторон, почти в один голос пожелали:

— Бог вам в помощь! Мы надеемся, что наш Адам вскоре окажется на свободе...

— Вместе будем надеяться, — вежливо поклонился в их сторону Дагджи, услышав строгий голос дежурного:

— Следующий... адвокат... — и пробормотал что-то себе под нос.

Перед встречей с Дагджи Адам выглядел так, будто еще не справился с волнением от встречи с домочадцами. И лишь вопрос Дагджи, кажется, привел его в чувство:

— Следовательно не давит? Не шантажирует, как принято у них в отношении возвращенцев и им сочувствующим?

Усталые глаза подследственного округлились от удивления:

— Как следователь-лейтенант может давить на старшего по званию, — шутиливо ответил Адам. — Я ведь без года месяц капитан, если бы не оказался здесь. Представление уже подписано Воеводкиным, — и еще больше раззадорившись, засмеялся, чтобы не казаться подавленным: — Во всем признался: да, частенько навещался в Красный Рай, чтобы предупредить возвращенцев о нападениях и других провокациях моих сослуживцев. Что скрывать — факт налицо... Сказал даже больше, о чем следователь не догадывался: и во время стояния людей на площади у памятника Грибоедову снабжал информацией их лидеров. Помог им разоблачить внедренного в их среду милицейского осведомителя Меметова... Что скрывать? Признался в том, что делал осознанно, добровольно, получая от этого моральное удовлетворение...

— Для следвателя «моральное удовлетворение» арестованного — пустые слова, фанфаронство, — вставил Дагджи, отстегивая портфель.

Адам лишь хмыкнул, ничего не ответив, глядя, как Дагджи сосредоточенно листает блокнот:

— Помнится, когда мы впервые встретились в Красном Раю, вы в числе других показывали и мне фотографии мужчины и женщины. Просили вспомнить: не встречал ли я их в ссылке, в Узбекистане? Мне тогда показалось, что это связано с каким-нибудь расследованием в вашем милицейском деле... Теперь же интуиция подсказывает: это имеет отношение к вашему нынешнему делу... У кого мне получить эти фотографии?

Адам долго и тяжело молчал, опустив голову. И не поднимая глаз, глухо ответил:

— Вы правы, это личная история... — и, услышав за спиной окрик дежурного: «Окончено!», ответил, вставая: — Попросите у моих домашних. Фотографии висят над моей кроватью в спальне.

Дагджи, еще раз полистав блокнот, крикнул Адаму вслед:

— Насколько помню — их имена Рустем Кассара и Эдие Балабан... Держитесь, дружище, мы докажем, что и для нас, крымских, закон писан... — но тот не успел ответить, скрывшись за дверью.

Имена Рустема Кассары и Эдие Балабан в Красном Раю стали припоминать, когда узнали, что Юсуф Дагджи отправляется в Узбекистан на поиски их следов. А когда поведали, что это нужно для защиты Адама Военного, был брошен клич собрать «с мира по нитке», чтобы Юсуф отправился туда не на поезде, как собирался, а по воздуху, самолетом. Из Симферополя в Ташкент через Киев, чтобы поскорее справился с делами и

вернулся, ибо отправляли его с множеством просьб: от передачи весточки оставшимся пока в местах ссылки родным и знакомым до приветов и пожеланий скорой встречи в Крыму. Среди краснорайцев были и такие, кто не поленился изложить все в эпистолярном жанре, вручая Дагджи сложенные треугольником, по-солдатски письма с адресами, а отъезжающий терпеливо складывал их в портфель. Те же, кто узнал об этом в последнюю минуту, окружили адвоката, выкрикивая имена родных и друзей, названия городов и кишлаков. Просили, если маршрут мусажира³⁷ будет пролегать через Чирчик, передать привет сестре Сание Харахады и ее мужу Аджи Али Соцкому с пожеланием собираться в дорогу. Здесь, в Красном Раю, для них будет стол и дом. И еще, если позволит время, посетить кладбище в Кызылтепе и прочитать два праху матери Нияре и отца Осману Дадой...

Видя, что Дагджи не отбиться от просьб, Осман Мамут решил оградить его от слишком настойчивых:

– Там наших еще порядка ста, ста пятидесяти тысяч, как адвокат сумеет всех обойти? Главное – пусть решает дело касательно Идълек Мада...

Но более всех была взволнована библиотечка Мерьем Катаман, будто сама давно сидит на чемоданах, желая оправиться к сыну Мехмету, заключенному Бекабадской тюрьмы.

– Никак не уразумею, – говорила она Дагджи, потирая лоб длинными, изящными пальцами бывшей пианистки. – Советов год как уже нет, а мой Мехмет все еще сидит по статье «антисоветская пропаганда в составе организованной группы». У сына, тогда еще студента, при обыске забрали тетрадь, где он пишет о Номане Челебиджихане как об образце для подражания для ссыльной молодежи. Вместе с ним посадили еще двоих его сокурсников – Сейтаблу Фука и Исляма Куку...

Заметив, как Мерьем бледнеет от волнения, Дагджи успокоительно положил ей на плечо руку:

– Знаю это дело, ханум... Их органи-

зация – «Союз крымскотатарской молодежи». Адвокатом на суде, помнится, был Нариман-агъа Дерминджи. Преподавал мне на юридическом. К сожалению, ныне покойный...

– Да, да, так... Ребят через восемь лет выпустили и погнали в армию служить... Друзья моего Мехмета разбрелись по Союзу, а сын вернулся в Ангрен, мы ведь старики, остались одни... Потом Мехмета снова забрали и посадили за чтение и распространение Бюллетеня³⁸. Узнайте, пожалуйста, – скороговоркой высказалась Мерьем, заметив, что Дагджи торопится уйти. – Если срок не кончился, пусть переведут в нашу, алуштинскую тюрьму... Навещать будем с отцом нашего единственного ребенка. Остальные трое покоятся на ангреномском кладбище, – добавила она, дрогнувшим голосом.

Дагджи выслушал ее, одобрительно кивая, признавшись, что и сам тайком читал Бюллетень, и с удивлением повернулся на звонкий голос поварахи Шефики с ее экзотической кулинарной просьбой:

– Будете, джаным, в Самарканде, купите пару местных лепешек, такие, знаете, с узорами, прямо загляденье! Хотелось мне узнать рецепт их выпечки, чтобы в праздники баловать наших краснорайцев... И прихватите с собой, если нетрудно, небольшой, литра на три, казан для соуса и подливы...

– Постараюсь, – слегка озадачился ее просьбой Дагджи. И под общий смех, добавил: – Я бы вас называл не ненасытной Шефикой, а проворной Шефикой за то, что успеваеете сделать за раз сто дел...

И сопровождаемый краснорайцами, желавшими счастливого возвращения, у шоссе сел в попутную машину – прямоком к Симферопольскому аэропорту.

Едва машина скрылась, выпустив облако дыма, как Осман Мамут вскрикнул и хлопнул себя по лбу:

– Что же ты, потерявший память, не показал это Дагджи? – вынул из бокового кармана куртки конверт. – Юридически грамотно растолковал бы, ждате ли нам милостей от властей...

Заметив расстроенный вид Османа, помахивающего конвертом, те, кто провозжали Дагджи, окружили мастера танкотракта, грозы непрошенных трактористов-погромщиков.

– От чего вы так взволнованы? – обратился к нему и подошедший Куку Партизан.

– Пакизе утром привезла ответ на мой запрос о потерянном после изгнания родовом доме в Узунджи, лошадей, овец и разного другого имущества. Ведь я в доле как один из наследников...

Пока Куку Партизан выпрямлял вложенный в конверт лист, пытаюсь прочесть текст, Осман упавшим голосом уточнил:

– Муса недолго до гибели написал мне из Беш-Терека, что дом наш заселен пришлыми, перестроен то ли семьей какого-то врача-уролога, то ли дефектолога... Ну, вроде нашего земляка Энвера Османовича Кучука, – сопроводил слова неожиданным смехом.

Куку, увлекая Османа в сторону навеса, прозванного «гроссмейстерским», где они любили колдовать над шахматами, стал читать вслух:

– Главное управление МВД Украины по АР Крым, управление... – так-так, добавлял он для краткости. – Уважаемый Осман Мамутов... – так-так, уже хорошо: уважаемый...

Собравшиеся вокруг навеса попросили:

– Усеин Бекирович, читайте, пожалуйста, без комментариев. Ведь это касается и наших домов – имущества разворованного...

– На запрос о вашей реабилитации, как подвергшегося депортации из Крыма в 1944 году из Крыма, – откашлявшись, начал читать громко и во всеулышание Куку Партизан, – разъясняю, что для ГУ МВД в Крыму, основанием для выдачи справок о реабилитации является Закон Украины от 17 апреля 1391 года «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине». Однако... – поднял указательный палец вверх чтец, – в статье 4 постановления Верховного Совета Украины о порядке ввода в дей-

ствие названного закона оговорено, что он не распространяется на депортированных граждан, насильственно выселенных по национальному признаку из Крыма в 1941-1944 годов. Не принят Закон... – вот это важно! – не удержался снова от комментария Куку Партизан, – о возвращении или выплате компенсации за конфискованное имущество и домовладения у граждан, подвергшихся депортации.

Чтец сделал паузу, словно осмыслял глубже прочитанное под недовольный гул слушателей. И продолжил:

– Решение вопроса о реабилитации органами внутренних дел Украины, будет возможным только после принятия соответствующих изменений и пояснений в действующее законодательство по реабилитации... Начальник УИТ ГУ МВД Украины по АР Крым³⁹... подпись...

После чтения Куку Партизан призадумался, потирая вспотевший лоб, будто пытался найти в ответе чиновника скрытый смысл. Тяжелое молчание прервал асретовец Ильвер, вопрошая:

– Стоило ли Осман-агъа тратить на все это бумагу? Ведь с самых первых дней ясно отношение к нам. Запреты, запреты, запреты! В магазинах хлеб, вода, шифер, доски, лопаты... Все для нас под запретом!

– Так-то, оно так, – с удрученным видом Осман спрятал конверт в карман, предварительно помяв его. – Мы здесь, на нашей поляне, как говорят узбеки, ходим между четырьмя чинарами, не видя белый свет... А я ведь все эти годы гонял свой трактор по каршинской степи, привык видеть вширь и вдаль... А вдруг подумал: дай-ка узнаю, что о нас думают далеко в Киеве, в Незалежной... вот и взял и написал... убедился лишний раз: думают по-прежнему плохо... Так что все остается в силе, – и, подняв кулак вверх, повысил голос: – Родина или смерть!

– Родина или смерть! – в ответ откликнулись в многоголосье...

Продолжение следует...

Иллюстрации: Муксум ШЕРФЕДИН

¹ Дженаза (араб.) – правила отпевания и похорон усопшего.

² Слова пророка Мухаммада, зачитанное Мамутом: «Несите покойного побыстрее, ибо если он был праведным, то вы приближаете его к благу, если же нет, то вы скорее освобождаете от зла на шеях...»

³ Мираб (узб.), букв. «хозяин воды».

⁴ Прежнее, историческое название – Шума.

⁵ Обезьянник – на милицейском жаргоне: камера предварительного заключения в отделении правопорядка.

⁶ Коран, сура «Аш-Шура» – «Совет».

⁷ Азаби кабр (араб.) – по исламским представлениям покойник, по которому устраивают громкий плач, причитание, подвергается мучениям в могиле.

⁸ Шашъкан папий (крым. тат.) – дословно: растерявшаяся или хромяя утка, но делавшая вид, что все решает.

⁹ Левша (крым. тат.). В Красном Раю возвращенцы из разных мест, чтобы лучше узнать друг друга, сблизиться, одаривали соседей забавными прозвищами из-за их особенностей внешнего вида или характера.

¹⁰ Къара сельби (крым. тат.) – кипарис.

¹¹ Командующий партизанским движением в Крыму с июля 1942 года.

¹² Молитвенный возглас, чрезмерное восхваление в адрес божества.

¹³ Один из мифов о спасении путем высылки с полуострова крымских татар, бытующий в общественном мнении и в печати по сей день. (Прим. автора).

¹⁴ Бестекар – композитор (крым. тат.).

¹⁵ Шармат (крым. тат.) – барабанщик.

¹⁶ Акем (крым. тат.) – судья.

¹⁷ Речь о реальном лице, дерменкойской подпольщице Айше Караевой (прим. автора).

¹⁸ Речь идет о реальном лице, Герое Советского Союза А.Тейфуке.

¹⁹ Широко распространенный среди народов миф о птице Феникс, сгорая перед смертью в огне, всякий раз оживает вместе с птенцами. В Средней Азии известна, как птица Симург (прим. автора).

²⁰ Трапезарий (греч.) – ответственный за трапезу, готовит еду.

²¹ Дюльбер (крым. тат.) – красивый, прекрасный.

²² От крымскотатарского народа, сохранившего бесценную память о тебе – навечно и с благодарностью! (крым. тат.).

²³ «Чтобы избежать неприятностей, укуси себя за ворот» (крым. тат.). По суевер-

ным приметам крымцев, такое действие перед дорогой помогало избежать неожиданностей (прим. автора).

²⁴ По древнему культу воды у крымцев, прежде чем наклониться над родником или колодезем, необходимо сказать слова приветия. И услышать в ответ от старших: «Будь здоров и чист как вода» (прим. автора).

²⁵ «Мой чалый конь» (крым. тат.).

²⁶ Крымтатарская детская игра «Лисички и курочки».

²⁷ Легендарный острослов, известный на всем Востоке.

²⁸ Земляк, в этом деле есть одно «но»... (крым. тат.).

²⁹ Яланджы – обманщик, лгун (крым. тат.).

³⁰ Фындыкь – орех – греческое слово, перешедшее в крымтат. язык.

³¹ Дефне – лавр – греческое слово, перешедшее в крымтат. язык.

³² Название сожженных немцами сел в Крыму за сотрудничество с партизанами: Багъатыр, Лаки, Махюльдур, Авджекой, Эки-Тала, Коуш, Улу-Сала, Аргын, Бижок Озенбаш, Улу-Узень, Заланкой, Бия-Сала, Тавель, Стиля, Къарджав, Гъавр, Къарджав, Татаросман, Пычка, Саолы, Уланкой, Дегирменджи, Эфендикой, Шуры. Даже этот неполный список – еще один веский довод, чтобы опровергнуть миф о поголовном предательстве крымских татар в годы Великой Отечественной войны (прим. автора).

³³ Речь о реальном лице – партизанском вожаке – греке по национальности (прим. автора).

³⁴ Нафс (араб.) – выражение с религиозным смыслом: животная сущность в человеке.

³⁵ Модный в то время немецкий русскоязычный журнал мод и кулинарии (прим. автора).

³⁶ Известный дореволюционный адвокат.

³⁷ Мусафир – гость, путешественник.

³⁸ Речь идет о машинописном «Информационном Бюллетене национального движения крымских татар им. Мусы Мамута», выходявшего с начала 1983 г. (прим. автора).

³⁹ Образец чиновничьей отписки взят с сайта Р. Эминова. Спустя 13 лет, в принятом Законе Украины от 17 апреля 2014 г. В статье 7 «Изъятие в результате депортации здания и другое имущество (если дом не занят, а имущество сохранилось)... осуществляется поэтапно в течение пяти лет. При этом одновременно уплачивается не менее пятой части начисленной суммы...» Впрочем, для жителей Крыма Закон не имеет практического значения (прим. автора).

К проблеме ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах»

[А. А. Ткаченко, А. В. Корюхина]
В сокращении

Вокруг Конвенции №169 развернулись основные дискуссии. Большая часть участников споров на научных конференциях, встречах исследователей с привлечением международных экспертов, круглых столах столичных чиновников и представителей регионов видела основную проблему, а точнее препятствие для ратификации этой Конвенции в разделе о земле, требующем признания за коренными этносами права собственности на земли, которые они традиционно занимают.

торы, но и является основой нашей российской цивилизованной модели взаимозависимого развития народов. Конвенция МОТ №169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» была принята в июне 1989 г. в порядке пересмотра ранее действовавшей Конвенции МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах». Пересмотр Конвенции 1957 г. был осуществлен в соответствии с решением Административного Совета Международного Бюро Труда и Совещания экспертов, которые пришли к выводу,

этнос с общей численностью немногим более 426 тыс. человек (0,3% всего населения Российской Федерации). Из них 6 народов расселены на территории Европейской части России, 22 народа — на Северном Кавказе. На Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке — 33 народа; прежде всего это малочисленные народы Севера, выделение которых в 1926 г. проводилось по следующим критериям: малая численность, особый характер традиционных занятий, связанные с традиционным хозяйством особенности быта (кочевание), низкий уровень социально-экономического развития. По переписи 1989 г. в России насчитывалось 26 народов Севера общей численностью 181,5 тыс. человек, в том числе лишь 1 насчитывает более 30 тыс. человек, 2 — более 20 тыс. В то же время 4 народа — по 500–1000 человек, 2 — менее 500. В 1993 г. в число малочисленных народов Севера включены тувинцы-тодзинцы, шорцы, телеуты, кумандинцы общей численностью около 20 тыс. человек. Дискутируется вопрос о сойотах, теленгитах, телесах, других этнонациональных группах, что во многом связано с социально-экономическими льготами, распространяемыми на лиц, принадлежащих к народам Севера.

Так о каких же народах идет речь в Конвенции №169 и к каким народам России относить ее действие? Это далеко не праздный, а даже «коренной» вопрос коренных народов, способный накалить ситуацию после ратификации. Уже сейчас специалисты ведомств, например, Министерства экономики, заявляют о том, что коренными являются 80% и более населения Российской Федерации; как ни странно, это бездоказательное мнение поддерживают и многие исследователи.

Понятие «коренные народы (people), или народы, ведущие племенной образ жизни», в соответствии с нормами ООН применяется по отношению к народам, не имеющим своих собственных государственно-национальных образований и ведущим племенной (tribal) или полуплеменной (semi-tribal) образ жизни; кроме того, правовое положение этих народов регулируется прежде всего собственными традициями, обычаями или особым законодательством. К таким народам в новейших документах и публикациях ООН применяется только термин *indigenous peoples* (туземное, местное население), который чаще всего на русский язык в документах ООН переводится как коренные народы, а в научных и официальных российских публикациях как коренные малочисленные народы, хотя более точен термин «исконное (врожденное) население» или «аборигенные этносы». Специальные справочники нашей страны, к сожалению, трактуют понятие «аборигены» как синонимическое «автохтонному», «коренному».

После второй мировой войны термин «население (population), ведущее племенной образ жизни», стал относиться только к туземному населению территории, не относящейся к метрополии (1947 г.). Конвенция №107 (1957) о защите и интеграции коренного населения разъясняла, что речь идет о населении, ведущем племенной или полуплеменной образ жизни и находящемся на менее высокой социально-экономической стадии развития по сравнению с остальным населением страны, к коренному (*indigenous*) оно может относиться в связи с тем, что его предки населяли страну или географическую область до ее завоевания, или колонизации. В международных документах применяется также термин *native*, означавший уроженца данной местности или туземца. В то же время он весьма неоднозначен.

В русском тексте Конвенции №169

(1989 г.), пересмотревшей предыдущие акты, содержится не совсем адекватный английскому *indigenous* перевод «коренные народы». Нужен не только адекватный русский перевод индигенных народов, но также простая и ясная система критериев их выделения. Наиболее подходящее определение искомого понятия дается Британской энциклопедией для понятия аборигенов (*aborigines*).

Обязательства страны как члена МОТ, накладываемые условиями ратификации Конвенции. В документах ООН и МОТ было признано наличие состояния сегрегации по отношению к племенным народам; в национальных программах землеустройства предлагалось учесть возможный природный состав населения; обучение детей должно вестись на родном языке, а если это невозможно, на наиболее распространенном в той этнической группе, к которой они принадлежат.

Основная проблема ратификации Конвенции №169 состоит в том, что в отношении ратификаций конвенций о труде устав МОТ считает неприемлемой ратификацию с оговорками, она должна приниматься в целом. Кроме того, страна обязуется представлять ежегодные доклады Международному бюро труда по принятым мерам применения Конвенции, а в случае несоответствия законодательства страны международным правовым нормам применяются эти международные нормы. Правительственные органы, ответственные за вопросы, охватываемые Конвенцией, обеспечивают средства, необходимые для должного выполнения возложенных на них функций.

Одним из ведущих факторов, определяющих условия ратификации Конвенции, являются принципы землепользования коренного населения. Первостепенного внимания требуют положения раздела II Конвенции № 169 о земле, ст. 14 и 15, и прежде всего возможность толкования понятия права на землю (собственность и владение), которую занимают коренные народы.

За коренными народами признаются права собственности и владения на землю, «а в случае необходимости применяются меры, гарантирующие права пользования землями для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности». Особо следует подчеркнуть, что для определения границ земель, традиционно занимаемых коренными народами, и эффективной охраны их прав на собственность и владение меры принимаются национальным правительством, а споры по поводу земли разрешаются в рамках общегосударственного законодательства, что таким образом никак не нарушает суверенитета страны и принятых в ней правовых норм. Право владения народов землей не противоречит конституционным нормам Российской Федерации и записано в ст. 9 Конституции РФ. Крайне взвешенного и ответственного отношения требуют вопросы введения права собственности на природные ресурсы.

Наиболее сложен вопрос по отношению к народам Кавказа. Он требует не только взвешенного подхода на фоне общей национальной напряженности и вооруженных конфликтов, но и решения первичного вопроса: какие народы подпадают под действие Конвенции. Уже сейчас вопрос права на землю ставится кавказскими народами как коренными для данных территорий, но не в отношении критериев по уровню общественного развития, обозначенных в ст. 1 Конвенции применительно к «индигенным» народам. Ни в коей мере никто бы не хотел подтолкнуть этническое противостояние на Северном Кавказе принятием Конвенции без тщательной и научно обоснованной подготовки требующихся решений правительства и законодательных актов.

Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]

Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии.

Статья 1

1. Настоящая Конвенция распространяется:

а) на народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями, или традициями, или специальным законодательством;

б) на народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

2. Указание самих народов на их принадлежность к числу коренных или ведущих племенной образ жизни рассматривается как основополагающий критерий для определения групп, на которые распространяются положения настоящей Конвенции.

3. Использование термина «народы» в настоящей Конвенции не рассматривается как несущее какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине в соответствии с международным правом.

По-нашему же мнению, основной вопрос для нашей российской действительности состоит в другом: как найти в русском языке понятие, адекватное термину «индигенные народы» (*indigenous, les populations aborigenes*). Вариант «коренные» — не только неточен, но и вносит ненужную сумятицу в национальные споры, как определять аборигенные этносы (индигенные народы) в нашей стране, даже имея критерии Конвенции №169 (ст. 1); следует ли отказаться от количественного критерия, применявшегося традиционно с 1926 г. к коренным малочисленным народам Севера. Приоритетность этих вопросов мы пытаемся доказать, подробно исследовав соответствие положений Конвенции №169 нашим законам и практике в докладе, подготовленном к парламентским слушаниям по проблеме ратификации данной Конвенции. Часть этого доклада, относящуюся, на наш взгляд, к дискуссии вокруг обсуждаемого проекта закона об основах правового статуса коренных народов Севера, мы предлагаем читателю, так как он пытается решить не только проблемы, «представляющие большой научный интерес для этнографии», как пишут ав-

что подход Конвенции № 107, направленный на интеграцию коренного населения в жизнь соответствующих стран, не отражает современный образ мышления и не позволяет коренным и другим народам, ведущим племенной образ жизни, контролировать собственное экономическое, социальное и культурное развитие.

Зачем же нам нужна ратификация этой Конвенции и какие народы подпадают под ее действие?

В июне 1989 г. в порядке пересмотра Конвенции № 107 на 76-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда была принята Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Приводимые в Конвенциях № 107 и 169 нормы выработаны совместно с ООН, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ).

Небольшой экскурс в историю показывает, что, решая свойственные ей проблемы труда и занятости, в данном случае аборигенов МОТ логически вышла на общий свод их прав и обязанностей по отношению к ним народов, на чьей государственной территории они оказались. Основополагающим критерием для определения этнических групп, относящихся к коренным или ведущим племенной образ жизни народам, является их самоопределение как аборигенов. В понимании наших специалистов это прежде всего народы а priori малой (меньшей, часто значительно, чем титульный народ) численности, проживающие на данной территории изначально по сравнению с более поздними переселенцами, в экономическом отношении ведущие менее развитое хозяйство по сравнению с пришлым населением; их правовое положение в значительной мере регулируется их собственными обычаями и традициями. Согласно проекту Основ законодательства Российской Федерации о правовом статусе малочисленных коренных (аборигенных) народов России (1994 г.) в России к ним относят этнические общности, численность которых не превышает 50 тыс. человек, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад своей жизни и осознающие себя как самостоятельный народ. В Российской Федерации к малочисленным аборигенным народам специалистами Института этнологии и антропологии Российской академии наук и Министерства по делам национальностей и региональной политики России предварительно отнесен 61

Крымскотатарская молодежь показала, как должен проходить обряд сватовства

В первый день весны в Акмесджите (Симферополе) крымскотатарская инициативная молодежь проекта «Medeniy Qıptm» провела вторую часть «Вечера традиций» – «Нишан» (сватовство – прим. ред.).

В постановке обряда приняли участие популярные ведущие свадеб, востребованные фотографы, танцоры, студенты и активная молодежь.

Ребята в комической форме показали все ключевые составляющие обряда сватовства: обмен подарками, определение даты свадьбы, общение с будущими родственниками.

По мнению руководителя проекта «Medeniy Qıptm» Эрнеста Усманова, инсценировка обряда несколько отличается от современного его проведения.

«Мы заметили, что многие современные семьи и вовсе не проводят обряд нишана, говоря, что это прошлый век. Это неправильно. Мы пытались показать, в какой форме должен проходить обряд сватовства, кто должен приходить, а кто нет. Ведь мы видим, что сегодня на нишан приходят и родители жениха, и сам жених», – отметил он.

Кроме того, постановка обряда стала и благотворительной акцией, все собранные средства ребята передали команде волонтеров «Ачыкь юреклер».

Напомним, первое мероприятие в рамках данного проекта было посвящено обряду «сез кесим» (обручение – прим. ред.).

Фото: Arzy MANZARA



Хайырлаймыз!

14 марта свой 80-летний юбилей отметил наш уважаемый и любимый брат Эдем Абибулла огълы Топчи. Эдем-агъа 12 лет проработал главным инженером ПМК в Алмалыке. В 1990 году вернулся на Родину, принимал активное участие в возвращении и обустройстве крымтатар в массиве Борчокъракъ, всегда старался помочь соотечественникам в оформлении земельных участков и получении прописки. 8 лет проработал в ОДСПК, курировал строительство многоэтажных домов для депортированных граждан. Он является одним из зачинателей ежегодных встреч односельчан в родной деревне Бешуй. Эдем-агъа пользуется большим авторитетом среди своих соотечественников. Мы хотим поздравить его со славным юбилеем, пожелать крепкого здоровья, долголетия и счастливой жизни на родной земле.

Семья Муратовых: Энвер, Гульнар, дети Фуад и Айше с их семьями



Главный редактор
Кайбуллаев Ш.Э.

Адрес редакции:
с. Родниковое, Симферопольский р-н,
Республика Крым, тел.: +7978 091-10-02
e-mail: avdetgazeta@gmail.com

Мнения, высказываемые авторами,
не всегда совпадают с позицией редакции.
Ответственность за точность изложенных
фактов несет автор. При перепечатке матери-
алов ссылка на газету «Авдет» обязательна.

Отпечатано: ООО Полиграфический центр «Новая Эра»,
г. Симферополь, ул. Жени Дерюгиной, д. 4, офис 1.
Объем 1.п.л. Печать офсетная. Тираж 999 экз. Заказ №